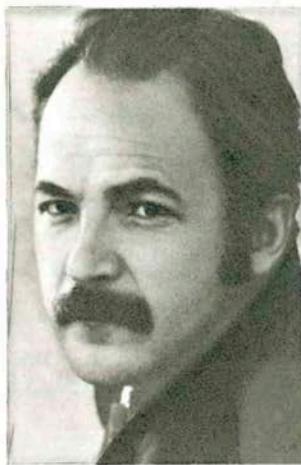


Н. ГУБЕНКО

«И ЖИЗНЬ,
И СЛЕЗЫ,
И ЛЮБОВЬ»



Московском театре на Таганке.

С 1968 по 1971 год учится на режиссерском факультете ВГИКа [мастерская С. А. Герасимова].

С 1971 года Николай Губенко режиссер-постановщик. За первый фильм «Пришел солдат с фронта» ему присуждена Государственная премия РСФСР. Начиная со второго фильма, Н. Губенко пишет сценарии ко всем своим режиссерским работам: «Если хочешь быть счастливым» (1974), «Подранки» (1977), «Из жизни отдыхающих» (1980), «И жизнь, и слезы, и любовь» (1984).

Фильм «Подранки» был удостоен бронзового приза на фестивале в Чикаго (США), премии критики в Тегеране (Иран), премии за лучшую детскую роль в Брюсселе (Бельгия).

Картина «И жизнь, и слезы, и любовь» удостоена премии за лучшую режиссуру и приза «Серебряный Тукан» на I Международном кинофестивале в Рио-де-Жанейро (Бразилия).

Н. Губенко — заслуженный артист РСФСР, лауреат премии имени Ленинского комсомола.

Губенко Николай Николаевич [род. в 1941 г.] пришел в режиссуру из актерского цеха. В 1962 году он дебютировал в фильме М. Хуциева «Мне двадцать лет». С тех пор он снялся в двадцати восьми фильмах, среди которых «Пароль не нужен», «Директор», «Дворянское гнездо», «Они сражались за Родину», «Пришел солдат с фронта», «Прощу слова», «Подранки» и др. В 1964 году он оканчивает актерский факультет ВГИКа [мастерская С. А. Герасимова] и начинает работать в



Н. ГУБЕНКО

«И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ»

КИНОСЦЕНАРИЙ



Есть у нас с Тамарой Федоровной Макаровой ученики, которых особенно интересно вспоминать в процессе их становления. И среди них Николай Губенко.

Режиссерская память, зрительная по природе своей, восстанавливает все ту же аудиторию, где проходили курс обучения семь поколений, а сейчас заканчивает восьмое... Так вот в этой аудитории мы уже сорок лет разыгрываем свои учебные спектакли, которые навсегда сохраняются в памяти и учеников и педагогов. Они интересны тем, что беспредельно свободны и в выборе материала, и в трактовке, и в изобразительном решении.

Перебирая в памяти картины институтской жизни, вспоминаю я одну из наиболее выразительных работ — работу студента третьего курса уже режиссерского факультета Николая Губенко. Я говорю так потому, что он, как известно, дважды учился в нашей мастерской (сначала как актер, а затем как режиссер). В упомянутой работе он был и автором, что потом стало важнейшей чертой его профессиональной биографии. Он написал сочинение под названием «Божественная литургия» и очень хитроумно поставил его с помощью студентов художественного факультета, создав на маленькой сценической площадке достаточно убедительный образ небольшой церкви, где и должно было происходить действие — церковная служба. Главным действующим лицом стал молодой священник, которого играл Николай Еременко. Представление заканчивалось философским диспутом о боге, о жизни, о смерти. Это был интереснейший спектакль. Для меня тогда со всей отчетливостью открылась натура Николая Губенко — человека мыслящего, ищущего корень жизни, корень бытия, смысл судьбы человеческой. Он с этого хотел начать свой кинематограф. И тогда уже было очевидно, что у него многое получится, ибо рассчитано на серьезную жизнь в любимом искусстве — кино.

Подтвердилось это и следующей его режиссерской работой, которую он называл «Быт и события в семье Спиридоновых». Это уже была печальная история алкоголика, главы и тирана семейства. Против отца восставал сын. Отца играл В. Спиридовон. Сына — Н. Еременко. Если в первой режиссерской работе отчетливо пропускало философское начало в художественном даре Н. Губенко, то здесь он обнаружил отличное знание жизни в масштабах семейного уклада, любой трудовой семьи, где люди претерпелись друг к другу, многое склонны прощать, так как выбора нет, а жить — надо. Это быт. А события — бунт молодой души, которая не хочет

Губенко Н.

Г 93 И жизнь, и слезы, и любовь: Киносценарий. — М.: Искусство, 1985. — 80 с., ил. — (Б-ка кинодраматургии).

Сценарий известного кинодраматурга и режиссера Н. Губенко предлагает читателям подумать о старости, о путях, ведущих к тому, чтобы венец жизни оказался достоин ее самой. Сценарий утверждает — тоска и одиночество отнюдь не непременные атрибуты преклонного возраста, а творчество, труд, общение, стремление вершить активное добро доступны любому возрасту. Дом ветеранов становится для его обитателей настоящим домом, а все они — большой дружной семьей.

4702010200-157

Г 24-85

025(01)-85

ББК 85.543(2)

778С

© Издательство «Искусство», 1985 г.

смириться. Это тоже была отличная работа, и она подтвердила обширную перспективу режиссерской судьбы Николая Губенко.

Актерским дипломом Н. Губенко стала роль Артура Уи (прототипа Гитлера) в постановке «Карьера Артура Уи» Бертольта Брехта. Режиссером был студент той же мастерской — немец Зигфрид Кюн — талантливый студент, ныне успешно работающий в ГДР на студии ДЕФА. Геббельса играл Сергей Никоненко. Были в этой постановке и другие удивительные актерские удачи, но роли Гитлера и Геббельса сохранились в анналах институтской памяти как поистине немеркнущие достижения студентов мастерской.

Здесь Губенко обнаружил присущее ему дарование, по-разному, но всегда интересно проявляющееся в каждом его новом произведении. Это — сердитый юмор. Естественно, что роль Артура Уи — Гитлера давала ему повод для максимальной выразительности в этом направлении.

Спектакль шел, как говорится, по требованию публики множество раз и даже перекочевал в Театр киноактера, где, правда, несколько потерял в своей образной яркости вследствие непривычной для студентов обстановки. Но все равно и там Н. Губенко и С. Никоненко демонстрировали на сцене высокий и отточенный профессионализм.

Именно после этого спектакля Губенко начал свою работу на сцене Театра на Таганке, которая немало способствовала совершенствованию его дарования и не только как актера, но и как организатора образного действия, что и есть, по сути, основа режиссуры.

А далее, как прямое продолжение, были фильмы, из которых хотелось бы остановиться на первом — «Пришел солдат с фронта» и последнем — «И жизнь, и слезы, и любовь».

На самом деле, все, что накопил Губенко в своих институтских работах, нашло в кинематографе необыкновенно последовательное и точное выражение. Он выступил в этих постановках как художник-полемист, который с позиций нераздельной любви к народу и его делу не хочет и не может мириться с тем, что мешает нашей жизни. Как-то он сказал мне, имея в виду свою дальнейшую жизненную дорогу, что хочет продолжать в искусстве дело Василия Шукшина. Этим многое было заявлено. Каково же это дело Шукшина? Это безграничная любовь к жизни, гневный спор со всем тем, что путается у нас в жизни под ногами и мешает идти вперед.

Интонацией любви к человеку, отвоевавшему советскому солдату пронизана картина Губенко «Пришел солдат с фронта».

А интонация последнего фильма, «И жизнь, и слезы, и любовь», отмечена наряду с пронзительною любовью к трудовым людям на самом краю их жизни презрением к глупости и процветающему самодовольству. Эта, казалось бы, достаточно ясная нравственная концепция в руках Губенко ушла от какой бы то ни было схемы в

сторону выстраданной, высмотренной жизни, где все замешено на правде характеров и поступков.

Работа режиссера с актерами в этой картине поднимается до профессиональных высот. Давая пример многим сверстникам, режиссер не довольствуется торопливым очерком своих персонажей. Каждый из них разработан вглубь, начиная с Жанны Болотовой, сыгравшей в этой картине наилучшую свою роль, кончая Н. Гундаревой, С. Мартинсоном, Е. Евстигнеевым, которые выступили в своих небольших ролях с поистине великолепным совершенством.

И тут надо отдать должное изначальной основе этого очевидного успеха, который лежит в литературной основе — сценарии, написанном опять-таки самим Николаем Губенко.

Мог ли он знать все коллизии, связи, характерные черты, на которых выстроено его сочинение? Нет, здесь что-то другое. Здесь не отработанная в теоретической раскладке литературная схема, на уровне которой еще так часто остаются даже достаточно профессиональные сценаристы. Самое привлекательное в этом сценарии Губенко — свободная поступь рассказа, где все развивается по законам самой жизни, где столько неожиданного, непредусмотренного, не укладывающегося в обыденные рамки.

И это главное достоинство сценария «И жизнь, и слезы, и любовь».

Народный артист СССР
С. Герасимов

«И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ»

ДОМ, КАКИМ ОН БЫЛ

От станции путь к дому идет лесом. Дробь дятла сменяется перестуком колес. Узкая тропинка виляет между деревьями, и нужно отступить в сугроб, чтобы пропустить встречного. Сразу как выйдешь из лесу, чувствуется весна. Холмы уже тронуты зеленью, хотя в ложбинах еще остаются холстинки белизны. На фоне елей редкие березки смотрятся прозрачными струйками. Дом виднеется за деревьями на пригорке и издали манит, притягивает к себе. Но еще предстоит миновать Лопахино, где в солнечный день блеснет купол церквушки; еще нужно умудриться не шлепнуться в раскинувшую грязь, спускаясь под гору к пруду, и у плотины лучше пердохнуть, потому что дальше дорога опять пойдет в гору.

Можно присесть на чемодан и посмотреть, как с высоты, там, где образовались сосульки, вода обрушивается в реку седым потоком. За грохотом не услыхать и вертолета, пролетевшего над головой. Отдохнув, ныряешь под каменный мостик и идешь вдоль забора, вверх, к самому дому.

Вот и он. У входа надпись, прибитая гвоздем к стволу березы: «Берегите лес от мусора». На воротах амбарный замок, посреди клумбы валяется бочка, кое-где зарешечены окна, сам дом обнесен металлической сеткой на перекошенных столбах, вдоль центральной аллеи аляповатые транспаранты, один из которых гласит: «Вноси в жизнь инициативу, культуру, красоту!» По всей видимости, дом воздведен на месте бывшей усадьбы, от которой уцелели два—три кирпичных строения с верандами, пристроенными позднее. На территории пара деревянных столиков, стог сена, куча опилок, скворечня на фонарном столбе, пожарный стенд со стоящей под навесом «эмкой». Все заброшено и кажется мертвым. Можно рискнуть перебросить чемодан на ту сторону и попробовать, как в детстве, перелезть через ворота.

Нет, все же жизнь есть: пегий мерин, дремлющий у стога сена, поводит глазом и вздыхает. Скрипнув дверью, откашливаясь и ворча, на пороге появляется сторож.

- Нарушаем?
- Доброе утро.

— У нас свидания по вторникам и четвергам. Заведующий спит.

Сторож зевает, почесывается.

— Я ваш новый главврач.

— ???

— Варвара Дмитриевна Волошина.

— Тогда капитально доброе. — Сторож улыбается неожиданно добродушной улыбкой. — Заждалися. Давайте помогу.

Внутри дома темень. Луч солнца заблудился в конце коридора.

— Сюда, пожалуйста. Не споткнитесь.

Из палаты выкатывается в кресле нечесаная старушечка и, услышав шаги, пугливо скрывается.

— Осторожно. Тут скользко.

Вдоль стены, придерживая рукой, шаркает старик, недоуменным взглядом провожая раннюю гостью. Откуда-то доносится старческий возглас: «Сестричка!» — и вслед ему равнодушное: «Сейчас, разбежалась. У меня ноги не казенные». «Сестричка», с плоским лицом, будто попавшим под каток, настырывает и, шаркая шлепанцами, не торопится на зов.

— Присядьте, я за ключом. Отдохните с дороги.

Диванные пружины скрипят, где-то льется вода из крана, подрагивают трубы, слышится чей-то храп и бой часов. Действительно, пора отдохнуть от этой печальной картины. Надо отодвинуть штору, чтобы ослепнуть от света, открыть окошко и вдохнуть всей грудью. Из окошка, которое выходит во двор, за лесопарком открываются просторные дали с покатыми лугами, полями, с той же речушкой, с дорогой, уходящей за горизонт. Таким дом был недавно.

КНИГА ОТЗЫВОВ

Закадровый голос Крупенина. В моем возрасте память ненадежный инструмент. Бывает, прошлое становится яснее настоящего. Новейшие же события часто выпадают, провалы и пустота заполняются догадками, воображением, снаами, и, если не препятствовать этому, круг сужается до однообразных «поэль», «попил», «поспал». Поэтому, как только появилась возможность, я сразу завел тетрадь: и дневник и не дневник, что-то вроде книги отзывов, куда стал заносить ежедневные впечатления о пребывании в доме. Я преследовал три цели: избавиться от тоски и скуки, которые неизбежны для лежачего больного, разработать мышцы правой руки и упражнять свою память, свой мозг, который верно служил мне восемьдесят лет и только с болезнью начал отказывать. Помню свое первое появление в нашей обители. Я чувствовал себя виновником того, что случилось с Дашенкой, и жизнь потеряла смысл. Мне казалось, что я не доживу до завтра.



Пока меня, как вещь, выносили из «скорой помощи», пока доставляли в покой, пока сестры набирали в шприц лекарство, я был в полуобморочном состоянии. А между тем на кушетку подсела Варвара Дмитриевна, взяла меня за руку и начала тихо беседовать.

— Ну, что случилось? Почему мы так испугались? — Усталый голос обращался будто к младенцу. — Как вас зовут? — Я молчал. — Вы попали в очень хорошее место. Здесь с вами не произойдет ничего плохого. Мы постараемся помочь вам, сделаем все, чтобы вы поправились. — Сестра шепнула ей мое имя. — И было бы очень хорошо, Павел Андреевич, если бы вы сейчас уснули. Засыпая, я услышал, как били часы.

ОКНО С РЕШЕТКОЙ

Приоткрав глаза, я увидел на потолке солнечный зайчик. Пока я соображал, где нахожусь, «зайчик» скользнул по стене, миновал стакан с молоком на тумбочке и, задержавшись на моем лице, заставил меня зажмуриться.

Послышался детский смех, и я глянул в том направлении. В зарешеченное окошко, которое было наполовину открыто, смотрели мальчик и девочка. Мальчик, лет семи, не больше, с влажными волосами и полотенцем на шее, чем-то напоминал Варвару Дмитриевну. Девочки было и того меньше, она все время хихикала, тянулась к зеркальцу в руках у мальчика, пытаясь направить луч мне в лицо. Заметив, что я проснулся, мальчик убрал зеркальце и, ухватившись за решетку, стал подтягиваться, вероятно, желая продемонстрировать мне свою силу. Я не мог видеть, что окошко было у самой земли и мальчик просто приседал, делая вид, что подтягивается. Девочка куда-то скрылась, но ее захлебывающийся смешок продолжал звенеть. Потом она появилась и, просунув сквозь решетку ручонку, поставила на подоконник стакан с полевыми цветами. Я хотел было ее поблагодарить, но не мог выговорить ни слова.

Неожиданно послышался нарастающий гул, и дети исчезли с криками, которые я уже не мог расслышать. Мощный рев пролетающего вертолета потряс всю комнату, так что задрожали стекла и стакан с цветами свинулся на край подоконника. Кто-то открыл дверь, и занавески от сквозняка поднялись к потолку.

— Доброе утро. — Занавески улеглись, и в поле моего зрения вошла медсестра.

Я опомнился и содрогнулся от мысли, что Дашенки уже нет в живых и что я остался совсем один на всем свете, прикованный к постели недугом.

НОВЕНЬКИЙ

Голос Крупенина. Софья Петровна, или, как я потом стану называть ее, Сонечка, со временем расскажет мне о первом впечатлении, которое я произвел на нее. Они сидели на верхней террасе с соседкой по комнате; Софья Петровна раскладывала пасьянс, а Нина Матвеевна разглядывала в бинокль окрестности. Впоследствии я невзлюбил эту старую деву, опытную жалобщицу, которой ничем нельзя было угодить и которая из всех радостей жизни под конец выбрала одну: оханывать все и вся, вместо того чтобы жить в доме дружной семьей и приносить пользу хотя бы тем, чтобы не злопыхательствовать.

За территорией, в лесопарковой зоне, проходила кольцевая спортивная трасса, на которой в праздники проводились кроссы бегунов, автомотогонщиков, конников, а в будни спортсмены тренировались.

Нина Матвеевна следила в бинокль за бегунами. Бег был стремителен, лица выражали волю к победе.

Нина Матвеевна перевела бинокль на территорию, минуя распаханный участок, на котором копошились с десяток старцев, высаживая яблоневый сад, и нацелилась на маршрут номер один, по которому провозили меня в кресле-каталке.

— У нас новенький появился?

— По всей видимости, — прищурилась Софья Петровна.

— Совсем развалившка. Кожа желтая.

Софья Петровна взяла у нее бинокль и возразила:

— Ну, почему желтая? Ты дальтоник?

— А черепушка прямо обезьяня, — продолжала в том же духе соседка. Судя по сравнениям, она прежде занималась зоологией. — Страшненький, как дикобраз.

«Я не стала ей возражать, — рассказывала мне после Софья Петровна, — зная наперед, что услышу одни гадости. Меня поразило ваше сходство с одним композитором. Он был не бог весть какой музыкант и аккомпанировал мне по чистой случайности «Растет страна» Сергея Сергеича. Помните? «Друзья мои, друзья мои, еще мы будем молоды».

— Он ухаживал за вами? — строго спросил я.

— Какое это теперь имеет значение. Кто только тогда за мной не ухаживал. Разве в этом дело? Я была страшная сладкоежка. Так вот, после концерта машина, отвозившая меня домой, была буквально завалена сладостями. Ребятишки из нашего двора хорошо полакомились. И с тех пор не было года, чтобы в день того памятного концерта я не получала от него самую дорогую, самую красивую коробку конфет».

Софья Петровна с трудом поднялась и сказала, собирая карты:

— Пойду приведу себя в порядок.

— С чего это ты? — Нина Матвеевна подозрительно глянула на соседку. — Я бы в жизни на такого не клюнула. — Она снова приставила бинокль к глазам. — Ах, да он к тому же плешиный. Я все-таки не ошиблась.

Голос Крупенина. Софью Петровну я увидел позднее и, признаюсь, не сразу узнал ее, хотя не раз бывал на ее концертах и одно время тайно был влюблена в нее.

Меня провезли мимо мальчика с девочкой, которые осторожно несли аквариум по коридору, мимо каминной со старой высохшей липой за окном, спустили на прозрачном лифте этажом ниже и оставили ненадолго в вестибюле лечебного этажа. Несколько человек, кто в халатах, кто в телогрейках, ввезли в вестибюль гигантскую манстэрку и начали ее устанавливать подле меня. Занавески на окнах то поднимались, то опускались, играя солнечными лучами на паркете, на циферблате напольных часов, на огромных листьях манстэрки.

Я было вздрогнул в кресле, но дверь кабинета отворилась, и от главного врача вышла Софья Петровна.

— Благодарю, дорогая. — Мне показался знакомым этот чудный голос. — Ваша милая улыбка и доброжелательность во многом способствуют новым настроениям в доме. — Увидев меня, Софья Петровна улыбнулась и, приблизившись, как бы по секрету сказала:

— А вы, дружок, поправляйтесь скорее. И проситесь на наш этаж. Мне даже не с кем побеседовать там.

Интересно, как она представляла нашу «беседу», когда я был лишен речи?

— Поправляйтесь, поправляйтесь. Мы вас ждем с нетерпением.

Я был почти уверен, что мы где-то виделись, потому что теперь не в одном голосе, но и в самих чертах Софьи Петровны мелькнуло что-то близкое.

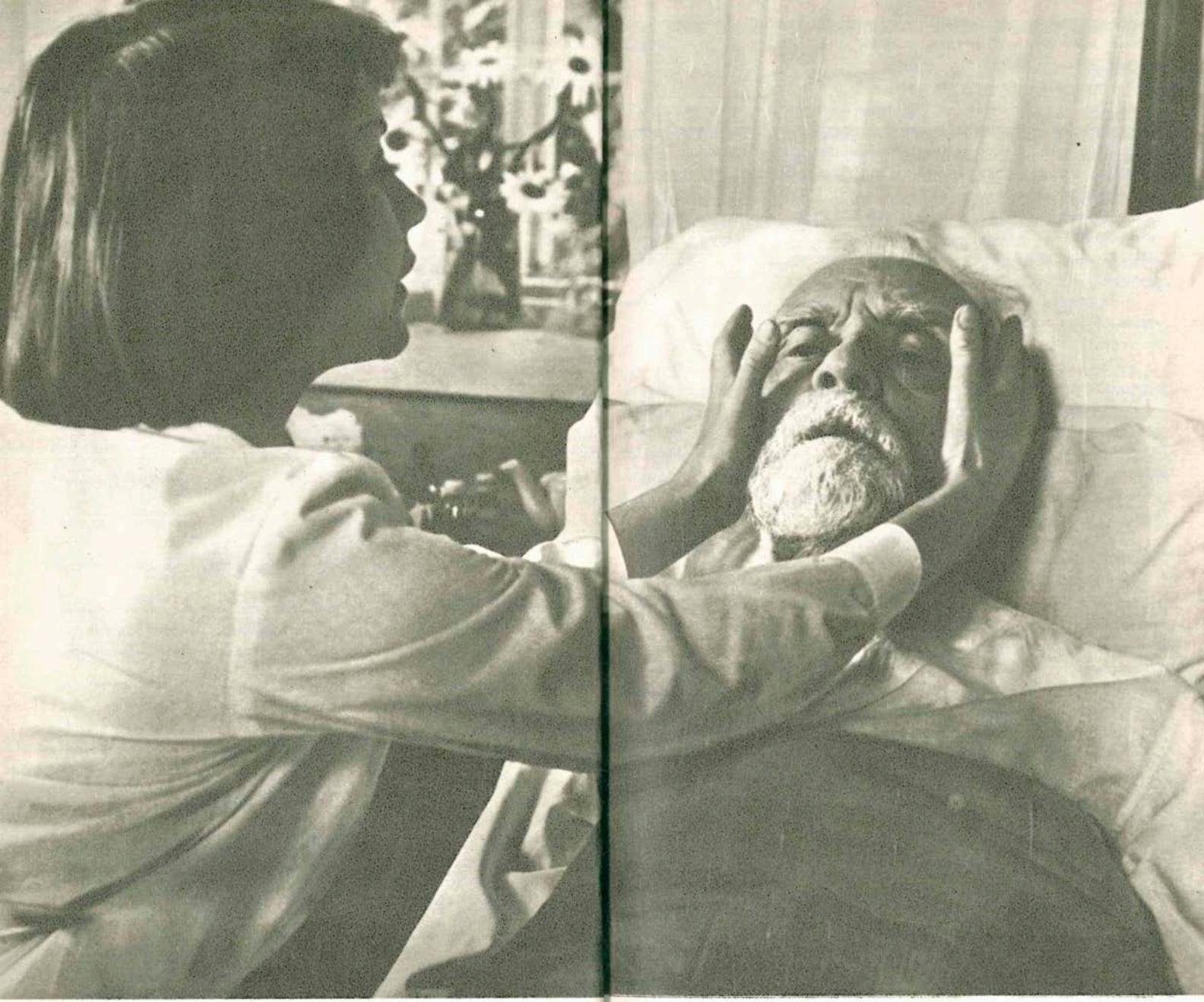
ПСИХОТЕРАПИЯ

Варвара Дмитриевна осматривала меня, будто советовалась со старым приятелем-коллегой. Иногда даже казалось, что от нее, как от врача, мало что зависит и успех выздоровления целиком в твоих руках.

— Вы мой первенец, и должны мне помочь. А Полина Ивановна жалуется, что вы плохо едите. Разве так поступают честные люди?

— Совсем не ест, — подтвердила старшая сестра Полина Ивановна.

— Когда Павел Андреевич поправится, он лично посадит несколько вишен, — сказала Варвара Дмитриевна, глядя, как за



окном старцы, возглавляемые каким-то хлопотливым мужичонкой, сажали яблони. — Разведем огород, сад. Это самый милый вид труда. Обещаете, Павел Андреич?

Я утвердительно опустил веки.

— Реакция отличная, — заметила Варвара Дмитриевна, хотя я нисколько не чувствовал иголку, которой она покалывала меня то там, то сям, проверяя чувствительность правой стороны.

— А где взять саженцы? — спросила Полина Ивановна. — В совхозе у самих вишня на вес золота.

— Поделятся, поделятся. — Главврач ударила меня молоточком по коленке. — Приедет Федот Федотыч, он еще заставит их взять шефство над нами. Мы им спирт, они нам саженцы. Правда, Павел Андреич?

Я не ответил, потому что думал о Дашеньке и упустил нить разговора. Пока старшая сестра мерила мне давление, главврач мечтала вслух:

— Не сидеть же сложа руки, каждый в своей норке, и только думать: «То болит, это болит». Очистим пруд, запустим карпа, цветы обязательно посадим. Много цветов. — Из окошка было видно, как какая-то старушка вздорила с могучим старцем по поводу того, на какую глубину закапывать корень. — Они сами уже начинают чувствовать себя хозяевами положения. Нет, тут будет очень хорошо, сказочно будет, не то слово. Я просто вижу. «За этот ад, за этот бред пошли мне сад на старость лет»...

Главврач приставила к моей груди стетоскоп и, слушая сердце, жестом показала — мол, все налаживается.

— Конечно, неплохо бы родиться двухсотлетним старцем, постепенно здороветь, радоваться, что тебя покидает недуг, чувствовать, как свежеет мозг, трудиться с возрастающей энергией, молодеть и становиться ребенком, который всему готов радоваться. — Она осторожно оттянула мне веки, отметив: — Глазки у вас очистились. — И продолжала: — В жизни все наоборот. Но разве же плохо будет прогуляться по этому саду, Павел Андреич?

Пока старшая сестра застегивала на мне рубаху, Варвара Дмитриевна записывала в историю болезни данные, не переставая шебетать, как птичка, которая залетела в форточку и присела на ширму:

— Вы учтите, Павел Андреич, я загадала желание: если мы с вами пройдемся по этой аллейке, просто поболтаем о том, о сем, в чем я ни секунды не сомневаюсь, значит, и у меня все сбудется.

— А что? — Полина Ивановна уже одела меня.

— Это секрет. Мы с Павлом Андреичем верим в приметы. Вы сами-то чувствуете улучшение, Павел Андреич? — Она подвезла меня к столу, положила передо мной лист бумаги и карандаш.

Где у вас болит? Напишите, что вы чувствуете. Может быть, вам чего-нибудь хочется.

Карандаш никак не подчиняется, мне с трудом удается разомкнуть пальцы.

— Пробуйте, пробуйте. Вам уже пора действовать, дружочек.

Я вижу ее подбадривающий взгляд, сочувствие на лице Полины Ивановны, и от сознания собственной беспомощности, от того, что мне снова кажется все безвозвратно потерянным, пот градом катится по лицу, на глаза наворачиваются слезы, и рука, насили удерживая карандаш, выводит сама по себе: «Дашенька». Я откidyваюсь на спинку кресла. Сил нет.

Рука Варвары Дмитриевны проводит по моим волосам, мне становится легче, я открываю глаза и вижу птичку, которая хозяйничает на столе, перепрыгивает с календаря на историю болезни.

— Павел Андреич у нас настоящий боец, — слышится голос Полины Ивановны.

Голос Крупенина. Много позднее я тайком заглянул в свою историю болезни и прочел запись, которая, судя по времени, совпадала с событиями того дня: «Правосторонняя гемиплегия. Состояние средней тяжести. Движение левой стороны в полном объеме. Правая сторона бездвижна, начала действовать кисть руки. Пульс ритмичный, тоны сердца приглушиены. Давление 130 — 75. При перестройке внимания на тему близких появилось эмоциональное напряжение. На просьбу описать самочувствие написал имя умершей дочери. Лечение продолжать прежнее».

УВАЖАЕМЫЙ ФЕДОТ ФЕДОТОВИЧ

Голос Крупенина. Вряд ли мне с первого раза удастся передать портрет заведующего нашим домом Федота Федотовича. Куда удачней это получилось у нашего старожила Андрея Сергеевича Анисимова с третьего этажа, которому Федот Федотович, уходя в отпуск, оставил свою фотографию с просьбой написать с нее портрет. Недолго думая, тот разлиновал фотографию по клеточкам, и к концу отпуска портрет был готов. Анисимов был своего рода личностью уникальной в доме. Все свое время он отдавал живописи, о которой до пенсии и не помышлял. Что натолкнуло его на эту счастливую мысль, как он постиг ее таинства, — одному Богу известно. Но, забегая вперед, скажу, что по ночам Анисимов тайно писал картину, которая со временем стала предметом нашей всеобщей радости и сожаления самого художника о том, что призвание обнаружилось так поздно и большая часть жизни была отдана бухгалтерии. Надо отдать должное и самому Федоту Федотовичу, который вовремя учился в Анисимове талант и часто поручал ему писать разные лозунги, объявления и транспаранты.

Впервые я увидел Федота Федотовича, когда он въезжал на территорию в своем лимузине, который был немногим моложе нас и под которым заведующий проводил лучшие часы своей жизни. Лимузин въезжал в ворота на буксире. Степан Степанович вел под уздцы пегого мерина, который тянул колымагу Федота Федотовича.

Полина Ивановна кормила меня в палате и, увидев в окошко заведующего, заметила:

— Сейчас начнется.

Я взял зеркальце, при помощи которого мог видеть, что у меня за спиной, и увидел «торжественный» въезд Федота Федотовича на территорию дома.

Первое, что поразило заведующего, это отсутствие траспарантов на центральной аллее. Федот Федотович щелкнул дверцей, хмуро огляделся, велел сторожу запереть ворота на замок, и тот, прежде чем исполнить приказание, зачем-то отдал честь.

— Липчук, — Федот Федотович обратился к благообразному старику с зонтом, который прогуливался по маршруту номер два со старушкой из разряда «божьих одуванчиков». — Который час?

— С приездом, Федот Федотович, — радушно приветствовала заведующего эта парочка.

— Я спрашиваю, который час, по-вашему? — Заведующий глянул на часы и снова на Липчука.

То ли ветер дунул не в ту сторону, то ли партнеры были с глушникой, но старушка ответила невпопад:

— Спасибо. Вашими молитвами. А вы как отдохнули?

— И на моих тоже половина третьего, — уже громче произнес заведующий. — Или для вас отдельный режим существует?

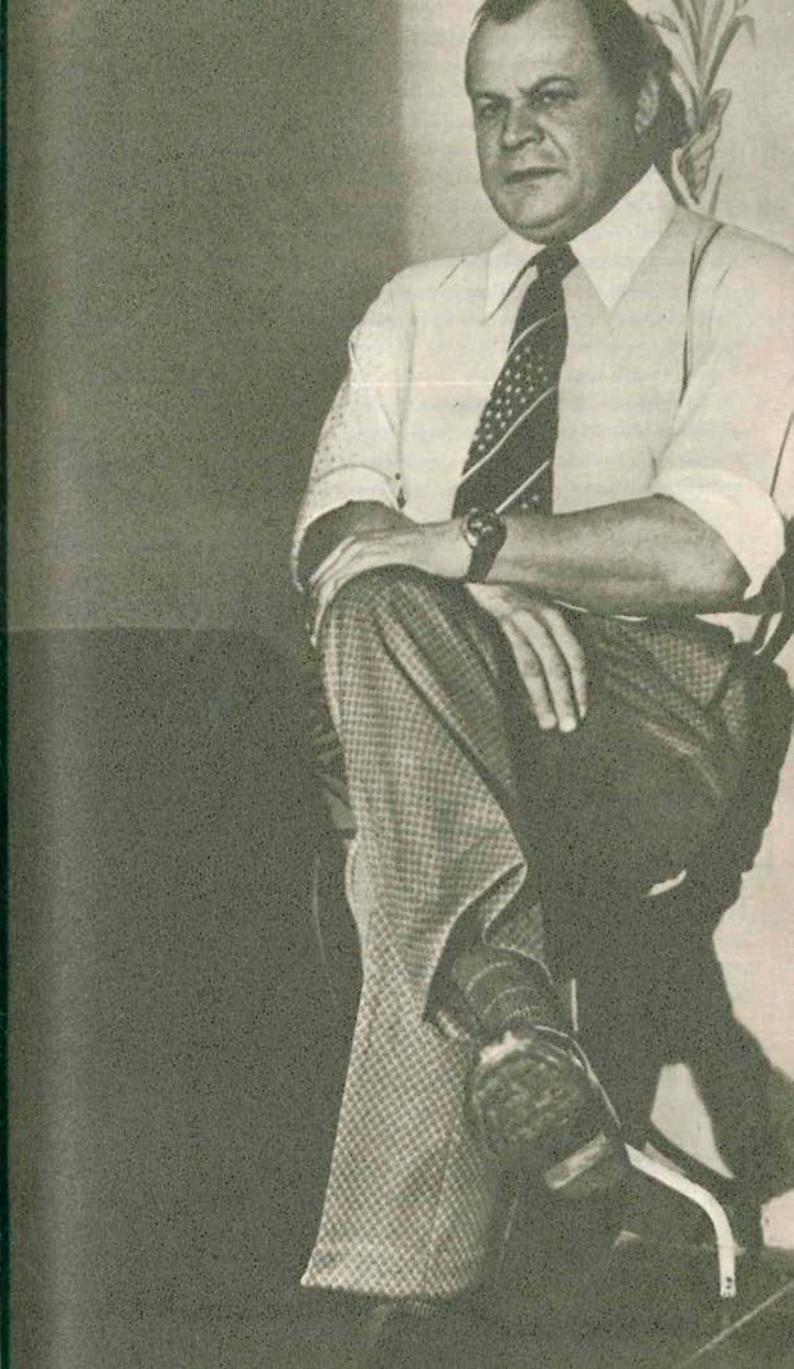
Голос Крупенина. Федот Федотович жалел свой контингент (это его словечко) и, как сам выражался, желал нам только добра. Обмоляюсь только, что добро и дисциплина для него были на одной полке. При этом если добро, по его мнению, должно было сделаться как-то само собой, лучше по предписанию свыше, без особых хлопот с его стороны, то дисциплина...

— Дисциплина — залог здоровья и долголетия, — повторял он неоднократно.

Голос Крупенина. И в этом с ним нельзя было не согласиться. Хотя сомнительно другое его изречение. Но это так, с юмором, когда Федот Федотович бывал в хорошем настроении.

— Тяжело в лечении, легко в гробу. — При этом заведующий всегда подбадривающе подмигивал.

При входе в здание заведующий увидел на лестнице кошелек. Он наклонился поднять его, но кошелек вздернулся и чуть не мимо носа Федота Федотовича «улетел» наверх. За окном второго этажа, притаиввшись, посмеивался старец, подтягивая кошелек на леске.



Другой оглядывался, боясь быть застигнутым «на месте преступления». Минуя гостиную, заведующий остановился в недоумении.

— Это что за новости?

По углам гостиной стояли клетки с попугаями.

— Это Варвара Дмитриевна принесла, — пояснила дежурная медсестра Маша, которая сопровождала заведующего, шаркая шлепанцами. — Нам здесь своего зоопарка не хватает, Федот Федотович.

Заведующий сокрушенно качнул головой.

— Ну-а, Варвара Дмитриевна.

Сидевший поблизости пепельный попугай с красными подкрыльями неожиданно сказал:

— Ва-рю-ша!

Заведующий был озадачен.

В каминной его ожидал еще больший сюрприз. Один из старцев, в очках с линзами, пускал в аквариум воздух через соломинку. За столиком рядом резались «в дурачка» четверо ходячих.

— Ну, вы даете, хлопцы!

Застигнутые врасплох, подопечные не успели спрятать карты и виновато привстали, приветствуя заведующего.

— Здравия желаем, ваше высокородие, — шутливо отчеканил тот самый старец, который подтягивал кошелек на леске.

— Не валийте «ваньку», Чистов. Вечно вы с вашими шуточками. — Федот Федотович направился прямо в кабинет главврача, по пути приговаривая что-то себе под нос, из чего можно было разобрать лишь отдельные слова:

— ...нараспашку... Монте-Карло, понимаете... стоит отлучиться.

— Не говорите, Федот Федотович, — подпустила сестра Маша. — Новый главврач какая-то с приветом. Такое впечатление, что у нее не все дома.

— Она разведенная, — подтвердил заведующий, думая свою горькую думу, — но не до такой же степени.

Варвара Дмитриевна встретила заведующего, как доброго друга:

— Без вас, как без рук, Федот Федотович. Все вверх тормашками. Как ваш санаторий?

Федот Федотович был стреляный воробей и для начала решил не лезть на рожон.

— Вот шляпу купил, — пошутил он, снимая новую шляпу и вытирая пот. — Знаете этот анекдот?

— Про что?

— Одного сумасшедшего врача спрашивает: «Что с вами будет, если вам отрежут одно ухо?» Тот отвечает: «Я перестану видеть одним глазом». — «Ну а если вам отрежут оба уха?» — «Я ослепну». — «Ну почему же ослепнете?» «А у меня, — говорит, — шляпа будет падать на глаза».

Заведующий рассмеялся.

— А желудок подлечили? — Главврач знала, что желудок был больным местом заведующего — и в прямом и в переносном смысле.

— Врачи — осел на осле, — возмутился заведующий, но вовремя спохватился. — Извините, я не вас имел в виду. Спрашивается, человек явился к тебе в состоянии запущенного гастроудоденита. Какого же черта ты суешься со своим телевизором?! Это же, по сути дела, рана! В любом случае — пониженная, повышенная кислотность — все равно режим желудка должен быть максимально щадящий. Нет! Вот ему обязательно нужно сделать гастроскопию, чтобы своей кишкой с телевизором мне там внутри все разбурить. Ну, вы представляете?

— Вы очень похудели, — сказала Варвара Дмитриевна.

Федот Федотович был польщен комплиментом и в свою очередь решил отплатить любезностью:

— Вы не посмотрите меня, доктор? Вот тут снова что-то покалывает.

— Ложитесь.

Заведующий улегся на кушетку. Варвара Дмитриевна начала прощупывать ему живот и, как бы невзначай, ввернула:

— Вы на меня будете сердиться.

— Отчего ж? Я вижу, в мое отсутствие вы много... — Заведующий не закончил мысль, потому что главврач прощупывала как раз в том месте, где, ему казалось, болит. — О порядке в учреждении судят по тому, как подчиненные работают в отсутствие руководителя. Аквариум, птицы, цветы... Все это способствует...

— Это еще полбеды. Я в рыбнике заказала карпа. Надо поискать деньжат, почистить пруд.

— Зачем?

— Вы же у нас подписываете кредиты.

— Нет. Карп, спрашивается, зачем?

— Карп очень полезен для содержания фосфора в костях.

Федот Федотович ойкнул и добавил:

— До сих пор у нашего контингента не было жалоб по линии питания.

ВЗГЛЯД

Голос Крупенина. Я уже говорил в самом начале о памяти, о том, что ее можно тренировать, чтобы она не была в простое. Идею мне подала Варвара Дмитриевна, которая убеждена, что склероз, помимо всего прочего, это еще и продукт пассивности мозга и это сознание, память, одним словом, мозг можно упражнять.

— И не только можно, но и нужно.

Я уже мог самостоятельно передвигаться в кресле-каталке и приехал в каминную, служившую красным уголком, в которой Варвара Дмитриевна завела обычай беседовать с ходячими за чашкой чая.

— Если вы будете тренировать мозг, как спортсмен мышцы или как, например, Рихтер, который, говорят, играет по двенадцать часов в день, вы сохраните надолго не только способность помнить, мыслить, но и чувствовать, стремиться, желать, радоваться, болеть, душой, фантазировать.

— Я, к своему стыду, забыла, кто такой Рихтер, — извинилась партнерша Липчука, вязавшая шапочку.

— Дорогая моя, Рихтер — это гениальный музыкант, — напомнила ей Софья Петровна. — Это замечательное, удивительное явление нашего искусства. Но простите, Варвара Дмитриевна, — обратилась она к главврачу, — я как-то не совсем представляю себе этот тренаж. Я бы с удовольствием занялась хоть каким-нибудь делом. Но ведь у нас нет инструмента.

— Мы что, теперь песни будем разучивать? — иронически спросил Липчук старик в очках с линзами.

По обыкновению не рассыпав, Липчук глянул на часы и ответил:

— На моих без четверти.

— Об инструменте мы отдельно поговорим, Софья Петровна, — продолжала беседу главврач. — Попробуйте для начала выбрать что-нибудь простое. Скажем, вот эту липу за окном. Ступайте в укромный уголок и подумайте о ней. Опишите ее мысленно. И задавайте побольше вопросов. Сколько ей лет? Как она выглядит? Что у вас с ней связано? Может, припомнится, как она шелестит, чья-то случайная фраза или целый разговор о ней. Или в воспоминании возникнет образ птицы, ощущение. Какое ощущение? Следите, чтобы ваше сознание по возможности подробнее нарисовало картину этих связей. Зима, лето, жара, сырость...

Я заметил на себе взгляд Софьи Петровны и тут только узнал ее, хотя несходство настоящего с прошлым было разительно. Я стал вглядываться пристальнее, и постепенно настоящее отступило, память сняла с него лишнее, черты лица Софьи Петровны разгляделись, волосы приняли прежнюю окраску, глаза заискрились улыбкой, и она вновь стала прежней, какой я видел ее в юности. Не знаю, происходило ли то же с Софьей Петровной, но во все продолжение речи Варвары Дмитриевны она ни разу не отвела от меня взгляда.

— Ее давно спилить надо, — донесся до меня голос Нины Матвеевны. — И листьев нет, и спать не дает, скрипит.

Видение исчезло.

— Ты вон тоже скрипишь, а тебя не пилят, — возразил Нине Матвеевне Чистов.

— Я привела липу к примеру, — повторила Варвара Дмитриевна. — У каждого из вас жизнь богата событиями. Может быть, кто-нибудь рискнет рассказать нам, или описать их, или выступит с воспоминаниями в лопахинской школе. Это и нам поможет поближе узнать вас, и ваш мозг будет держать в действии.

Неожиданно резко поднялся Бердяев, лысый старик в очках с линзами. С выражением величайшего оскорблении он стал выговаривать Варваре Дмитриевне:

— Вы, Анна Максимовна, устраивайте опыты у себя дома. — Заметим в скобках, что он назвал имя-отчество прежнего главврача. — У нас здесь не Ясная Поляна и Пушкиных нет. Берите своего мальчика, который, кстати, на незаконном основании удет рыбу на общественном пруду, и упражняйтесь с ним сколько вам влезет.

— Как вы себе позволяете?! — возмутилась Софья Петровна.

— Ставьте его в укромный уголок, — не дал ей договорить Бердяев, — и экзаменуйте, сочиняйте. А я не мальчик, не кролик и распинаться здесь курам на смех, — он указал на почтенную аудиторию, — не стану!

Когда Бердяев хлопнул дверью, старцы виновато притихли. Поднялась партнерша Липчука, предварительно подняв руку.

— Вы на него не обижайтесь, — кивнула она в сторону ушедшего Бердяева. — Он у нас маленько с приветом.

В паузе закричал говорящий попугай, которого звали Сенека:

— Варю-ша-а!

Это как-то разрядило обстановку, и старцы поднялись.

Пока все расходились, обсуждая предложение главврача, я заметил, как Варвара Дмитриевна шепталась с Софьей Петровной, поглядывая на меня.

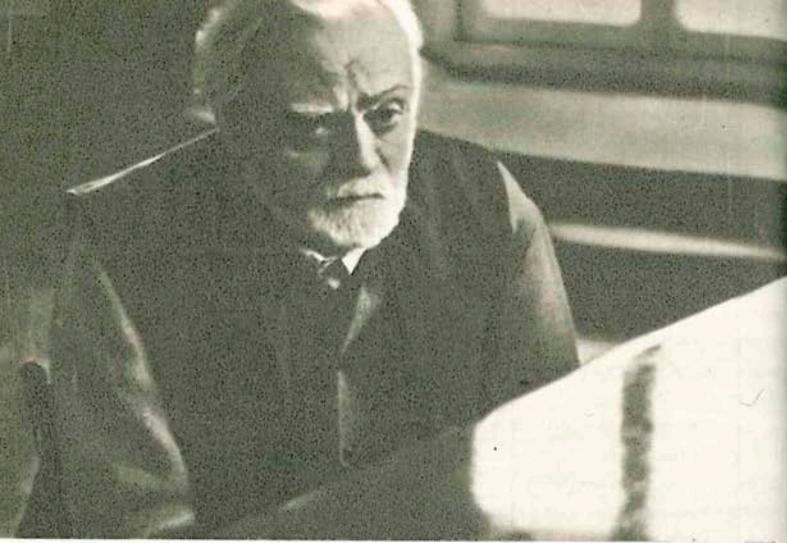
ПИСЬМО

Ночью я написал Софье Петровне письмо:

«Драгоценная Софья Петровна!

(С трепетом и благоговением написал я эти три слова, от которых на меня повеяло юностью.)

Прежде всего позвольте от всего сердца выразить Вам глубокую признательность за Ваш взгляд. Теперь я поконен за свою будущность в доме. Не знаю, что Вы думали, глядя на меня, но я вдруг обернулся в прошлое и увидел Кромы девятнадцатого года. Осень. Только что в районе Орел — Кромы разбиты деникинцы. В огромном сарае, который служит нам, червонным казакам ударной группы войск, укрытием от дождя, идет концерт в честь победы. На эстраду, сколоченную из досок, выходит юная богиня! Каякая благородная осанка, непривычная по тем временам простота



исполнения, как непосредственно чарующий голос передает глубочайшие чувства! Вы пели романс на слова Пушкина. Затаив дыхание, мы слушали и наслаждались. Сколько было тоски по родине, по воздуху, по русским людям, по банальной русской березке. Успех был огромный. Вас много раз вызывали, и Вы охотно пели. С тех пор...

Голос Крупенина. Я исписал шесть листов, но не сказал и части того, что накопилось. Я рассказал ей о Дашеньке, о горе, которое меня постигло, о том, как неловко перед врачами и сестрами, которые носятся со мной, как с младенцем, о том, что она тот человек, который поймет мою необходимость излить душу. Я сетовал на то, как редко мы говорим людям приятное, как порой мы не успеваем сделать этого при жизни и потом не можем простить себе. Писал о самочувствии, о том, что прочно сжился с мыслью о скромном уходе, о покойной жене, о мыслях, которые вычитал в последней книге, о боязни не увидеть ее утром, об инстинкте самосохранения, о надежде на лучшее будущее, об ужасных решетках на окне, о признательности Варваре Дмитриевне, о высохшей липе, о верности и дружбе... И хотя порой меня душили слезы, я чувствовал, что от слова к слову мне становилось легче.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Полина Ивановна обещала передать письмо, и я впервые за долгое время крепко уснул. Я не слышал, как в палату постучали, как тихо вошла Софья Петровна. Она не стала будить меня. Поправив

одеяло, она присела на краешек стула, долго смотрела на меня, и по глазам чувствовалось, что мое послание растрогало ее. Так же тихо она подошла к окошку, на котором лежал кусок хлеба (я подкармливал синичек, которые прилетали по утрам), нанизала кусочки хлеба на острие решетки, снова глянула на меня и вышла, прикрыв дверь. Я проспал свое первое свидание с Софьей Петровной. В коридоре ей повстречалась Полина Ивановна и спросила:

— Что с вами, Софья Петровна? Вы плачете?

— Ах, мой друг, это слезы радости. Я сегодня получила чудесный подарок.

«О СОБЕСЕДНИК ПОДНЕВОЛЬНЫЙ МОЙ...»

Голос Крупенина. С того дня мы почти не расставались. Она прогуливалась в каталке по парку и, когда уставала, присаживалась на скамейку, читала мне книги или просто говорила о чем придется, поглядывая на меня, пытаясь понять мое к этому отношение, и, когда пожимала мне руку, я удерживал ее ладонь в своей.

— Варюша поручила мне ваш досуг. Так что теперь не отвертитесь, даже если захотите. Я прочту вам чудные стихи, а вы мне напишете, что думаете. Удивительно, как нынешняя молодежь умеет чувствовать то же, что и мы с вами. Чудо, как хорошо! Просто прелесть. Послушайте.

Она открыла небольшой томик и начала читать:

«Взлетел на свет осенний жук,
В стекло ударился, как птица.
Да здравствуют дома, где нас сегодня ждут!
Я счастлив собираться, торопиться.
Там на столе грибы и пироги,
Серебряные рюмки и настойки.
Ударит час, и трезвости враги
Придут сюда для дружеской попойки.
Редеет круг друзей, но — позови,
Давай поговорим, как лицеисты, —
О Шиллере, о славе, о любви,
О женщинах — возвышенно и чисто.
Воспоминаний сомкнуты ряды,
Они стоят, готовые к атаке.
И вот уж Патриаршие пруды
Идут ко мне в осеннем полумраке.
О собеседник подневольный мой,
Я, как и ты, сегодня подневолен,
Ты невпопад кивай мне головой,
И я растроган буду и доволен»¹.

¹ Здесь и далее — стихи Геннадия Шпаликова. (Примеч. авт.)

Над нами, едва не касаясь верхушек деревьев, с грохотом пролетел вертолет.

— Ах, этот ужасный вертолет! Он испортил все впечатление!

СДЕЛАЙТЕ ДОБРОЕ ДЕЛО

— Что за чушь! Неужели им трудно пролететь стороной, в километре, в двух? Никогда не поверю. — Варвара Дмитриевна давно уже просила заведующего съездить в авиаотряд. — Что нам сделать, чтобы они больше не летали, Федот Федотович? Просто руки опускаются.

Заведующий энергично вылез из-под лимузина, отряхнулся, вытер руки ветошью и легко кинул грузное тело на сиденье.

— Я им сейчас такое устрою, обормотам!

Главврач не ожидала от него такой прыти. Когда он хлопнул дверцей, сказала:

— Постарайтесь. Пусть сделают доброе дело.

Федот Федотович завел двигатель и грозно крикнул:

— Они у меня через Лондон будут летать, обормоты!

Лимузин чихнул, но не стронулся с места.

— Может, пластиинку Высоцкого захватите? Летчики любят.

Федот Федотович уже не слышал этого, потому что лимузин заскрежетал, дернулся раз, дернулся два, выпустил облако дыма и ахнул так, что стоявший неподалеку мерин взял с места галопом, и, не будь тихий час, мы бы наверняка провожали кого-нибудь из контингента в прощальный путь.

Заведующий, перепрыгивая через ступеньки, направился к себе в кабинет и быстро стал набирать телефонный номер, приговаривая:

— Высоцкого им... пускай инструкции по полетам читают... они у меня на летающих тарелках сейчас улетят. Так. Тихо. Тссс.

Глядя на главврача, которая радовалась его предприимчивости, заведующий приставил палец ко рту, задержал последнюю цифру диска и, выпрямившись, снял шляпу.

— Юрий Михалыч.. Житнев говорит... Ага... Как самочувствие?.. Ха-ха-ха! Ко дну еще рановато... Хотя с вашими заботами не мешает иногда и на дне посидеть, как подлодка... Так я уже заждался. У меня контингент скоро всего карпа выловит... Я сам вчера, а?.. Ага, клюет зверски... Мы их тогда не будем кормить... — Заведующий показал большой палец главврачу и подмигнул, мол, мужик что надо. — Юрий Михалыч! Тут просьба такая. У нас контингент, сами понимаете... Ха-ха... Мало того, что песок сыпется, так вертолетчики тут наладились, чуть не учения, а?.. Из авиаотряда... Ну и я говорю... Юрий Михалыч, сделайте доброе дело.

Из окна Варвара Дмитриевна видела, как Степан Степанович тщетно пытался поймать насмерть перепуганного мерина.

— Спасибо, спасибо, Юрий Михалыч. Ждем на карпа. — Заведующий положил трубку и вытер пот. — Ффу. Хороший мужик. Дай бог ему сто лет жить. Прямо при мне звякнул. Ну, вы даете, говорит, хлопцы. Я слышу, он им мозги полоскает. — Заведующий поймал муху и выпустил в окно. — Кстати, у меня на вас жалоба.

— Очень кстати, — улыбнулась главврач. — Это уже не первая. Надо отдельную папку завести.

СТЕПАН СТЕПАНОВИЧ И ПОЛИНА ИВАНОВНА

Голос Крупенина. Я все забегаю вперед. Боюсь, что потом не припомню. Но не могу не сказать двух слов о старшей сестре Полине Ивановне и ее муже. Степан Степанович был сторожем, истопником, слесарем, электриком, плотником, конюхом. А со временем и садовником нашего дома, и все это за одну зарплату. Этот муравей, которого я никогда не видел без дела. И не потому говорю это сейчас, увидев, как Степан Степанович наконец поймал мерина, а потому, что таких Степанов и Полин на Руси еще довольно и на плечах таких, как они, можно пропахать еще не одну борозду, посадить не один сад, сделать много негромких, но нужных дел.

— Хозяин все сеять по порядку, все по порядку убирать. Озимая созрела — он ее моментально, трава подошла — он косить. И все у него по плану, и социализм не на бумаге, а на деле. — Это говорил Чистов, который помогал Степану Степановичу запрягать мерина.

Рядом стоял Алеша, сын Варвары Дмитриевны, Степан Степанович продолжил:

— Она хоть и городская, но тоже чего-то соображает в нашем деле. — Речь шла о Варваре Дмитриевне, и он подмигнул Алеше. — Где не знает, спрашивает по-простому.

Мерин не вовремя стронулся с места.

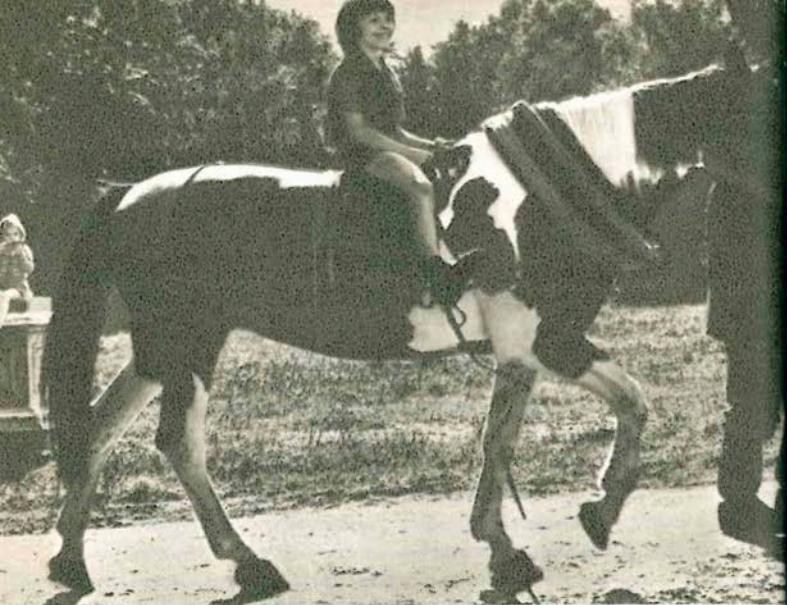
— Но, постой, Наум!

— А с чего вы его Наумом прозвали, Степан Степаныч? — спросил Алеша.

— С того, что умный больно. Голова у него работает.

Чистов улыбнулся, а Степан Степанович продолжил:

— Вот я выпью, здорово выпью, бывало, лягут в сани, только сено под голову положу, а просыпаюсь уже на конюшне. И где бы я ни был, он меня до деревни довезет. Это теперь уж ему давно пора на пенсию, а раньше, бывало, идет, все на него заглядывались. Красавец был, шея лебедем, ноги выкидывает, головой кланяется. Два раза его уводили ночью, а теперь уж такой и на колбасе.



су не сгодится. — Хозяин огладил Наума. — Умница, потому и Наум.

Голос Крупенина. Все бы ничего, если бы Степан Степанович не выпивал. Конечно, с кем не бывает. А с ним бывало частенько, за что и схлопотал от сестры Маши с ее острым, как укол, язычком прозвище Стакан Стаканыч.

— Неудачно эта стерва уколы колет, — как-то сказал мне Чистов. — Как кинжалом в спину. Я еще не приготовился, а она уже колет. Потом весь день не присядешь.

В тяжелые для себя дни Степан Степанович тайком от жены являлся к Варваре Дмитриевне и говорил:

— Дмитриевна, должок.

— Какой должок? — Варвара Дмитриевна стригла сына на крыльце дома, который они делили пополам с заведующим.

— За оградку для кур. Я такую оградку поставил, любо посмотреть.

— Так Федот Федотович обещал вам оплатить.

Вид у Степана Степановича был помятый, но улыбка в такие дни становилась еще простодушней.

— Я слышу, Дмитриевна. До зарплаты пятерочки.

Варвара Дмитриевна была в неловком положении перед Алешей. Как сын посмотрит на это?

— Степан Степанович, вы себя губите. У вас золотые руки. Мне не жаль денег, но вы же пропадете.



Каждый раз Степан Степанович высушивал такое со скорбным видом и, помолчав, говорил:

— Беда, Дмитриевна, просто беда. Никак не оклемаюсь. У тебя глоточка не найдется? Вот тута ноеть, прямо все кости болять. Еще трояк потерял по дороге. — Это чтобы разжалобить.

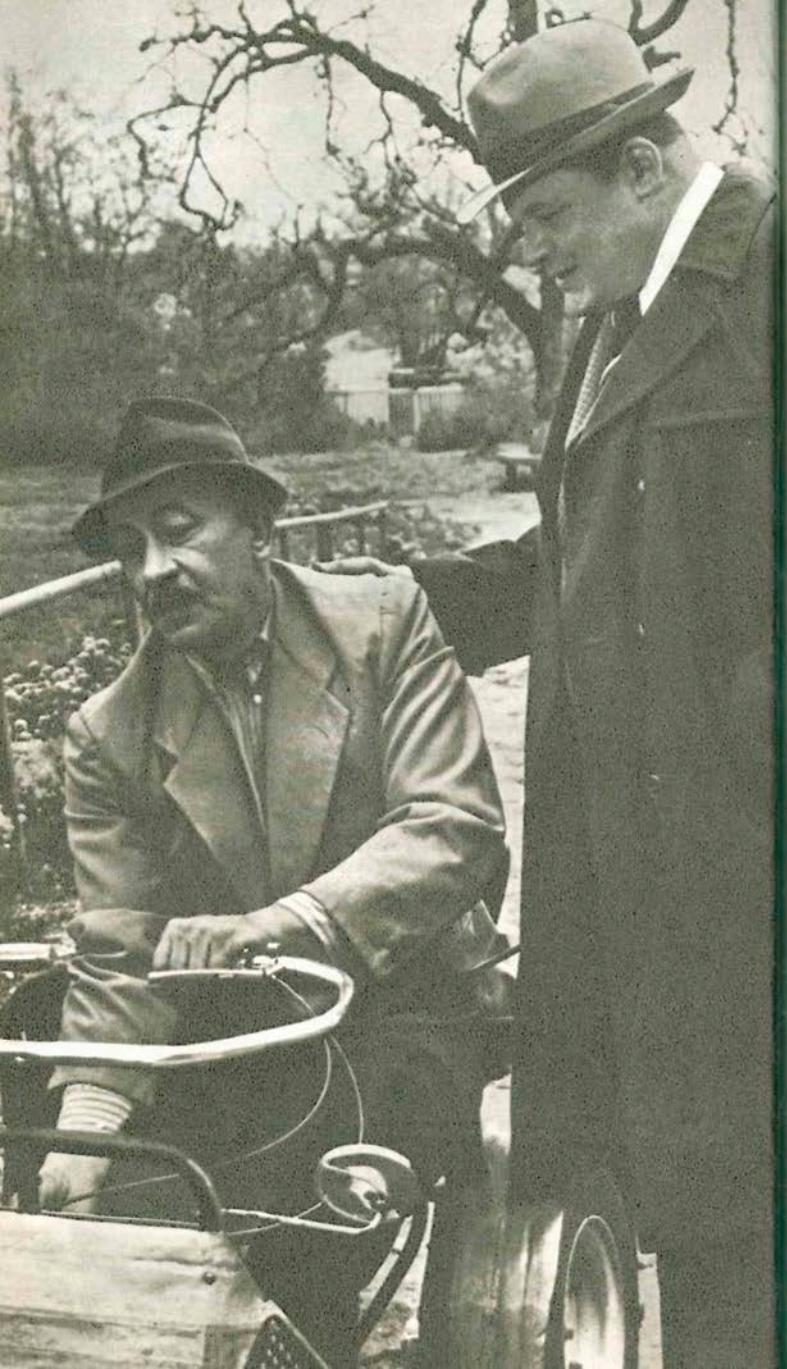
— В каком свете я буду перед Полиной Ивановной?

— Понимаю. — Степану Степановичу тоже бывало муторно в такие моменты, он поворачивался уходить, но болезнь брала свое. И он прибегал к маленькой хитрости: — Я там в шестой палате дверь починил. Все сделал как следует. И краны на втором этаже, как просили.

Голос Крупенина. Степан Степанович был мастером на все руки и, хоть выпивший, а все равно делал дело — комар носа не подточит. Грех было бы не припомнить, что он изобрел креслу-каталке привод с мотоциклетным мотором специально для Анисимова, в котором души не чаял.

Мы были свидетелями, как сначала сам изобретатель демонстрировал ходовые качества своей «системы», а потом и Анисимов спокойненько проехал по маршруту номер один, развернулся, поставил руль в доказательство того, что «система» самоходная, объехал вокруг клумбы и с шиком тормознул перед «приемной комиссией».

— У тебя, Стаканыч, я вижу, мозги еще кумекают, — похвалил изобретателя заведующий, знаяший толк в механизмах.



— Я уже все свалки объездил, нигде глушителя не сыщу, — по-чесал затылок Степан Степанович. — Больно таращится. А так сделано капитально.

Главврач шепнула на ухо заведующему:

— Во всяком случае, надо ему оплатить хорошенъко.

— Посмотрим. Как будет себя вести. — Федот Федотович хлопнул изобретателя по плечу, и тот от неожиданности покачнулся. — Держись, казак. Атаманом будешь. Вот так. Ха-ха-ха!

В тяжелые для Степана Степановича дни Варвара Дмитриевна выбирала из двух зол меньшее и неохотно уходила в дом за «глоточком».

— В последний раз. Спирта нет, только «Ркацители».

— Годится. — Прежде чем выпить, жаждущий собирался с духом. — Сейчас полегчает. Ну, физкультпривет, Дмитриевна. Гаумарджос, «Ркацители».

Он выпивал, откусывал кончик огурчика и аккуратно ставил стакан на крыльце.

— Я вам в последний раз налила, так и знайте.

— Последний. Я сказал, значит, капитально.

Неожиданно Варвара Дмитриевна могла задать вопрос. Например:

— Вы никогда не держали корову, Степан Степанович?

— Как же? Мы бы сейчас держали, было бы где. А что?

— Просто так. — Главврач с сожалением смотрела на Степана Степановича и принималась до стригать сына. — Только не появляйтесь в доме в таком виде.

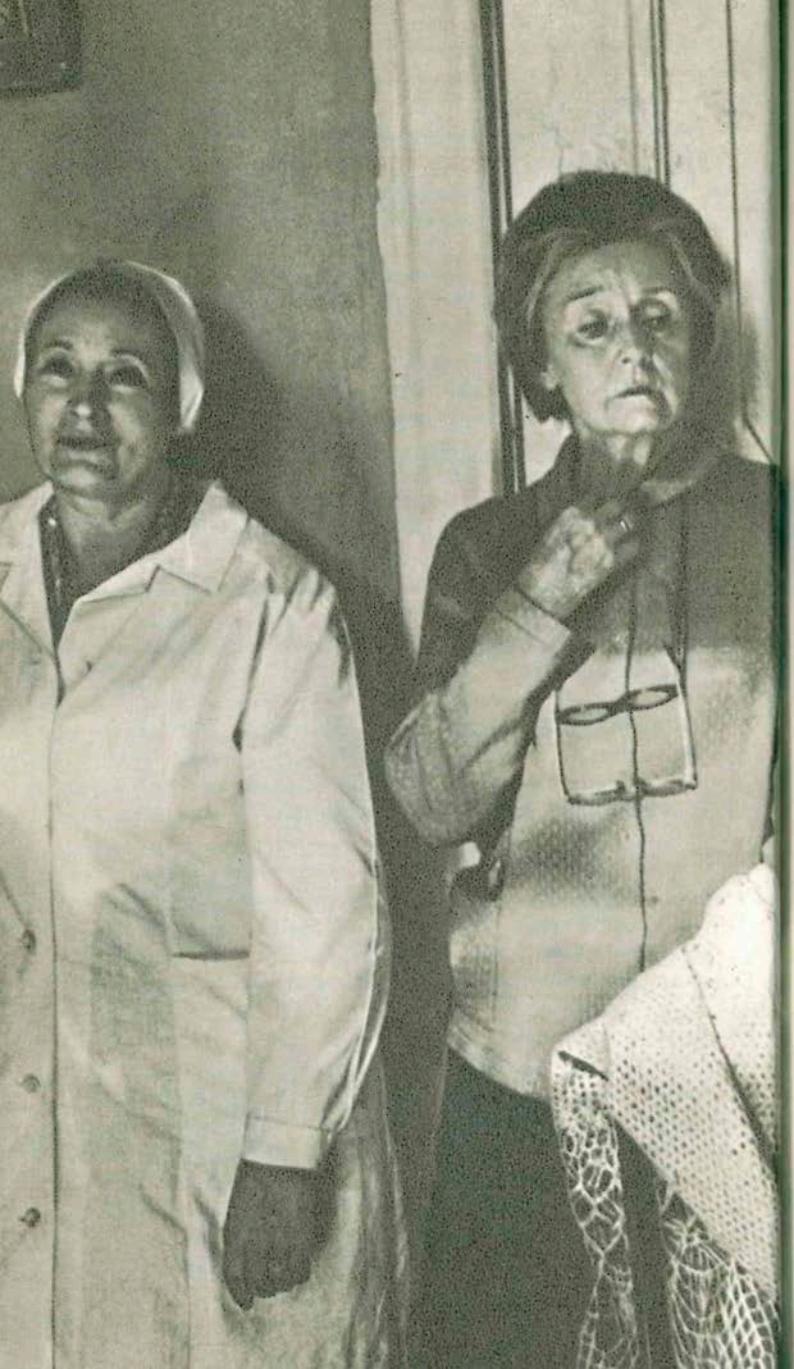
— Ни боже спаси! Мне туда нельзя. Мне Полька, грубо говоря, даста по холке. Все, Дмитриевна, пошел спать, — говорил он, удаляясь в кустарник. — Завтра просыпаюсь новым человеком!

Голос Крупенина. Полина Ивановна, жена Степана Степановича, была моторная, с крепким рукопожатием, широким солдатским шагом женщина, пусть и в летах, но для нас, старцев, отнюдь не лишенная известной привлекательности.

Представляю, как в этом месте Софья Петровна сказала бы мне:

— Вы наверняка писали это до нашего знакомства, Павел Андреевич. С тех пор как вы прислали мне первое письмо, надеюсь, я была вашей единственной дамой? — И, глядя в бинокль, как по спортивному кольцу проскакивают всадники в разноцветных камзолах, добавила бы: — Впрочем, ничуть не удивительно. Кто всю жизнь был дамским угодником, тот им и умрет.

Голос Крупенина. Я не помню случая, чтобы когда-нибудь, когда в ней бывала необходимость, Полина Ивановна сейчас же не оказывалась на месте, и непременно там, где была нужнее всего.



Никогда не забуду, как меня переводили на второй этаж.

— Здесь вам будет очень хорошо, — сказала Полина Ивановна. — Отсюда виден сад.

Сестра Маша, принимавшая участие в моем переселении, расстелила постель, сказала:

— На этой кровати до вас лежал Иван Юрьевич Катков.

Меня бросило в жар; я сразу представил лицо покойника на подушке и почему-то мууху, ползающую по его лбу.

— Ах, боже милостивый, Маша! Иди отсюда. — Полина Ивановна поняла мое состояние. — Разве можно говорить такие вещи? Посмотри на Павла Андреича. Он весь дрожит. Иди, я сама все устрою.

— Что я такого сказала? — Обиженная Маша зашаркала прочь.

Как же я был рад, когда Полина Ивановна вывела меня в коридор и остановилась, прикидывая, к кому бы меня пристроить. Я взял ее руку и пожал в знак благодарности.

Палата была пуста. Первое, что бросилось в глаза: мундир с орденами, висящий на вешалке в целлофане, и старая липа за окном.

— Он вам понравится, — сказала Полина Ивановна. — Простой, деревенский, но интересный. И очень чистый, как видите. И фамилия у него такая же. — Потом, улыбнувшись, добавила секретным тоном: — А Софья Петровна напротив.

Я сразу же воспрянул духом. Как только Полина Ивановна ушла за моими вещами, я подъехал к двери напротив и постучал.

— Нельзя, — раздался чужой голос.

Оглядевшись и предчувствуя сюрприз, каким будет мое соседство для Софьи Петровны, я рискнул постучать еще раз. На пороге возникла Нина Матвеевна.

— Это еще что за явление?

Я бы мог пояснить ей жестами, чтобы она передала Софье Петровне о моем новоселье, но вид ее отбил у меня всякую охоту.

НОВЫЙ ДРУГ И НОВОСЕЛЬЕ

— Ох, слава тебе, Иисусе! Хоть слово с кем скажу. — В палату вошел старик богатырского сложения. Полина Ивановна не успела поведать Чистову о моем «красноречии». — Доброго здоровьяца. Чистов Егор Александрович.

Я молча пожал огромную ладонь. Он сразу понял, что я «молчун», но не подал виду.

— Павел Андреич Крупенин скоро будет ходить и говорить. — Так представила меня старшая сестра. — Вы ему помогайте, Егор Александрович.

— Поможем, чем можем. Христос и тот воскрес из мертвых, а мы что, хуже?!

Я улыбнулся.

— Вон Поля свидетель. Я такой же был. А теперь хвост трубой, нос по ветру, была бы гармоня, тут бы ко мне все девчонки так и льнули.

— Он у нас через месяц уже плясал, — подтвердила старшая.

— Я пошел по второму кругу. Теперь до ста лет проживу. А все почему? — Глазки у Чистова заскрипели. — Всю жизнь не курю, — он загнул один палец, — не пью, — загнул другой, — и за девчонками не ухаживаю... — Как Чистов ни загибал третий палец, он так и не загнулся.

— Бесстыдник, — махнула на него старшая. — Я вас оставлю.

— Поля, попроси, милая, пусть нам молочка принесут. — Когда старшая вышла, он кивнул ей вслед, блеснув глазками. — Хороша Маша, да не наша.

Чистов встал, прошелся, зачем-то постучал в дверцу шкафа, прислушался, будто в шкафу кто-то мог быть, потом заговорщически посмотрел на меня, поднял палец и, смешно округлив глаза, прошептал.

— Секрет и засада. Ни одна разведка не должна знать.

Я в недоумении пожал плечами. Тем временем Чистов присел, глянул в замочную скважину и с трудом, взявшись за поясницу, разогнулся.

— Хоть и не георгиевский полный степени кавалер, — указал он на мундир, — но Красная Звезда, медаль — другая наберется. По-хорошему-то мне б должна Советская власть сказать: «Спасибо тебе, Егор! Видим, поясница тебя замучила, мать ее в душу. Хоть ты и малограмотный, вот тебе характеристика, три фотокарточки, мешок сухарей... Садись в ракету и полетай на тот свет, отдохни малость».

Он, кряхтя, еще раз потер поясницу, и в этот момент в дверь постучали. Пока санитарка ставила молоко на стол, Чистов спросил:

— Ты как, с верхним или с нижним образованием?

В ответ я поднял два пальца и указал на потолок.

— Добре. Будешь учить меня уму-разуму, а то я, бывает, дурею.

Как только санитарка вышла, Чистов запер дверь на ключ и, сворачивая зачем-то бумажку, спросил:

— У тебя дети есть?

Я показал «ноль».

— А внуки?

Я повторил жест.

— И не надо. От них все одно мало толку. У меня тоже одна внучка осталась. — Он закрыл бумажкой замочную скважину, до-



стал из кармана ключик на длинной цепочке и снова таинственно поднял палец. — Сейчас мы твоё новоселье справим. — Он вставил ключик в шкаф и попросил: — Закрой глаза. — Скрипнула дверь шкафа. — А теперь открой.

В могучих, корявых руках Чистова я разглядел маленького, с мутными глазами, солнного трогательного щеночка с влажным носиком.

— Как тебе моя внучка? — Чистов сиял, как солнце за окошком. — Это Шельмочка, Павел Андреич. Мы сейчас отпразднуем его новоселье. — Чистов понял по моему взгляду, что я тоже люблю собак, но предупредил: — Только никому ни слова. Особо Машке и Федоту. Он мне, узнает, всыплеть в задние ворота. — Он достал из тумбочки бутылку вермута, плеснул себе в стакан. — Ну, с новосельем.

Голос Крупенина. Чистов отвоевал три войны и, как сам говорил, хоть и не стал генералом, но солдат был добрым, чего он только не переделал за свою жизнь. С двенадцати лет мастеровым, потом кузнецом, кровельщиком, подковы, котлы, печки мастерил, посуду лудил, церкви, дома крыл, плотничал, рыл каналы, укладывал рельсы, был страстным охотником, служил егерем, воевал кавалеристом, сапером, разведчиком. Я сразу полюбил его, и мы сделались друзьями. Это был один из немногих людей в моей жизни, которые не знали середины. Он мог быть горяч не в меру и ласков, как щенок, мог радоваться, как ребенок, и страдать до

безумия. Телесно он и сейчас смотрелся богатырем, заражал всех своим здоровьем, аппетитом, так что и непонятно было, как он очутился в доме.

Помнится случай, когда он на спор перетянул руку самого заведующего и тот, будучи в хорошем расположении духа, никак не обиделся, а, напротив, хлопнул Чистова по плечу и сказал:

— Вот что значит старая закалка!

Чистов подмигнул своим болельщикам и зычным голосом отрапортовал:

— Мы — большевики, и друг наш молот! — При этом он помахал своим кулачищем. — Ха-ха-ха!

Голос Крупенина. Федот Федотович смеялся вместе с нами. И вообще, надо сказать, что на людях заведующий всегда был подтянут, бодр, казался симпатичным, даже инициативным человеком.

Как-то раз приходит на веранду, достает из портфеля несколько биноклей и, указывая на автомобили, которые гонялись вдали по спортивному кольцу, говорит:

— Чтобы без азарта, играем по пять копеек. Чисто символически.

Мы, глядя в бинокли на ревущую машинерию, стали выбирать себе номера, заведующий выбрал «Волгу» с надписью «ралли», а Чистов «жигуленка».

— Давай на бутылку вермута, мать твою в жилу! Что мы, нищие? Ставлю на кон! — загорелся Чистов.

Мы не стали играть, а только болели, кто за Чистова, кто за Федота Федотовича. Когда гонщики пошли по второму кругу, «жигуленок» обошел «Волгу» и заведующий проиграл.

— С меня причитается, — сказал он, пожимая чистовскую «лапу». И припомнил: — Так как ты говоришь? Мы — большевики, и что там дальше?

— Мы — большевики, и дух наш молод, — предложил Чистов другой вариант, прихлопнув заведующего по животу.

— Ха-ха-ха, — сконфузился заведующий. — Ну, вы даете, хлопцы.

УРОК РЕЧИ

Голос Крупенина. Писать благодарности природе бесполезно. Но не могу обойти молчанием то влияние, которое она оказала на ход моего лечения.

Я все еще не обхожусь без кресла, но большинство двигательных функций восстановлено. А вот с речью никак. Но на улице отличный день; рядом со мной блестательная Софья Петровна,

мы уже успели много переговорить — я в письмах, она своим чудным голосом. Мне хочется развлечь ее чем-нибудь, и я разгоняюсь вниз по маршруту номер два и, виртуозно заложив вираж, резко останавливаюсь, оглядываюсь, какой эффект это произвело на моего друга.

— Павел Андреевич, вы уже не мальчик. Опрокинетесь.

Потом она сидит на скамейке, я в кресле, и мы молчим, каждый думая о своем.

На улице благодатная осенняя солнечная пора, когда лета уже нет, а о зиме еще не думается. Природа увядает. В Лопахине, с серыми крышами и с игрушечным куполом церквишки, жгут листву, и можно вдоволь насладиться теплым дымком, стелившимся над давно скошенными полями. Издали слышно, как вода падает с плотины в реку.

— Вот так, мне кажется, было лет двести-триста назад, — роняет Софья Петровна.

Я говорю ей при помощи жестов и мимики о пейзаже, о запахе дыма, о том, что на душе. В Лопахине раздается тихий звон колокола.

— Кажется, что особенного? Поле, лес, речка журчит, солнышко, птичка полетела. А ведь это жизнь. — Прикрыв глаза, Софья Петровна вдыхает запах дыма и, глядя на деревушку, припоминает из Блока: — «...мне избы серые твои, как слезы первые любви».

— Как просто, — говорю я.

И со мной случается приступ страха, оттого что я впервые за долгое время слышу свою речь. Софья Петровна не верит своим ушам.

— Мне послышалось или вы сказали «Как просто»? Ну-ка, повторите.

От испуга у меня получается «как ...осто».

— Просто. — Софья Петровна успокаивает меня жестом. — Пэ... пэ... Струя воздуха должна быть сильнее. Тверже смыканье. Думайте о губах.

У меня опять не получается.

— Ну, Павел Андреевич, голубчик, миленький. Я вас умоляю, дружочек, попробуйте. Надо пробовать.

Я собираю все свое внимание на губах и говорю четко и ясно:

— Как... просто.

— Так, так, так. Теперь — что просто? Что вы хотели этим сказать, дружочек?

— Из...ы.

— Избы. — Она говорит скороговоркой. — Бык тупогуб, тупогубенький бычок. Бы...бы...

— Избы...серые...просто.



— Господи, скоро мы будем болтать с вами напропалую! — Она радостно вскидывает руки, как когда-то при поклонах на сцене.

В Лопахине звонят к вечерне.

СВЕЖО ПРЕДАНИЕ

Федот Федотович питался в комнате за кухней. Тут было два окна: одно оконце раздаточное, откуда было видно кухню, другое большое, выходящее во двор, где в данный момент Степан Степанович ремонтировал лимузин на виду у заведующего. Подавала Федоту Федотовичу женщина монументальных форм, округлая, как и заведующий, но выше его на голову.

Голос Крупенина. Шеф-повар нашего дома, Антонина Ефимовна, знала, что нравится Федоту Федотовичу, а тот и не скрывал от нее этого, поводя глазками, как радарами, поймавшими цель, за ее грудью и бедрами. Все нравилось заведующему этой женщине, но особенно голос, который мог разбудить самого Липчука, будь он хоть в городе, до которого, как известно, от нас нужно было ехать электричкой.

— Крикни ему, пусть заодно карбюратор глянет. — Федот Федотович сидел лицом к окну.

Антонина Ефимовна стала на подоконник, высунулась в форточку (радары заведующего взяли цель) и крикнула:

— Стаканыч, карбюратор заодно глянь!

Стая птиц снялась с поля за территорией и подалась подальше от зычного крика. Степан Степанович издали отдал честь и крикнул:

— Все капитально!

Варвара Дмитриевна прошла через кухню и, приветливо поздоровавшись с заведующим, пошутила в адрес шеф-повара:

— Вы не закормите нашего Федота Федотыча?

— У него скоро одна кожа да кости останутся. — Шеф-повар знала слабинку заведующего.

Федот Федотович залоснился от комплимента.

— Я уже свое откушал, было время. Вчера взвесился, и, представляете, три кило как корова языком слизала. — По счастливой случайности он доедал язык в соусе. — Что значит новый главврач. Побегаешь по вашим поручениям, язык на плечо, и никакой диеты не надо. Кстати, хочу попросить Аникикова написать лозунг в столовую, у Брэгга вычитал: «Человек копает себе могилу ножом и вилкой».

Варвара Дмитриевна улыбнулась.

— Лучше знаете какой? «Желудок — хозяин настроения». И повесить не в столовой, а на кухне.

Шеф-повар стрельнула глазами на главврача.

Федот Федотович понял намек, но это было заметно лишь потому, что он едва задержал вилку по дороге ко рту.

— Тоня, принеси-ка нам чайку. Только покрепче.

Шеф-повар уплыла красная как рак.

— Все было бы ничего, — Варвара Дмитриевна по обыкновению говорила напрямик, — если бы не перекисшая простокваша, горячая цветная капуста, надоевший компот и котлеты с жилами.

— Значит, вы так ставите вопрос. — Федот Федотович постучал пальцами по столу, будто повторяя один и тот же пассаж на фортепиано.

Питание в доме было предметом гордости заведующего, и он принял слова главврача как личную обиду.

— Я бы вам вообще не советовал пытаться с ними. Не потому, что там хуже. Обычно все же мы держимся с нашим контингентом с чувством какой-то стены... Какая-то стеночка все же должна быть. Не стеночка... пусть даже стеклышко, но что-то обязательно должно разделять.

— Пуленепробиваемое, что ли? — Главврач по-дружески улыбнулась заведующему. — Федот Федотыч, о чем вы? Какое такое стеклышко?

— Очень простое. Чтоб не возникало этого панибратства. Я здесь не первый год и считаю, что вот такой контакт на равных с контингентом до добра не доводит. Повторяю, даже из самых гу-

манных соображений. — Заведующий говорил искренне, николько не смущаясь сказанным, и чувствовалось, что он много думал об этом. — Все же вокруг главврача должен быть какой-то ореол. Тогда ему верят, на него молятся. А когда врач становится с ними на одну ступеньку, у них может возникнуть надежда на интим.

— Это мне не грозит.

— Не скажите. У нас тут был один. В прошлом году коньки... — Заведующий чуть не сказал «коньки отбросил». — Пусть земля ему будет пухом. Так, представьте, нашей Антонине буквально проходу не давал.

Шеф-повар принесла чай, и главврач вернулась к началу разговора:

— Антонина Ефимовна, вы не слишком увлекаетесь чесноком? Многие жалуются.

— Каждому в отдельности, что ли, готовить?

— И ножи у вас по-прежнему тупые.

— Это в лечебных целях. — Заведующий принял удар на себя. — Ведь если нож острый, быстро проглатываешь пищу. А вы сами рекомендуете тщательно прожевывать.

Главврач оценила шутку заведующего, употребив его же оберотец:

— Ну, вы даете, хлопцы. — И шеф-повару: — Побудьте с нами минуточку.

— Посиди, посиди. — Федот Федотович за локоть усадил шеф-повара, и та, зная привычку заведующего поковырять в зубах, пододвинула к нему зубочистки.

— Я вас слушаю, — шеф-повар изобразила четверть улыбки.

— Антонина Ефимовна, вы держите пороссят?

Шеф-повар опять покраснела и взглянула на заведующего.

— Чего ты испугалась? Человек спрашивает, отвечай.

— Сейчас вроде держать скотину не запрещено.

— Да я не к тому. А чем вы их кормите?

Опять шеф-повар почувствовал подвох.

— Помоями, чем еще?

— Так. А сколько мяса в месяц съедают наши подопечные?

— Немного. Очень немногого. Они же в основном дистроф... э-э... диетики.

Заведующий достал из кармана электронный счетчик и быстро стал подсчитывать.

Главврач что-то прикинула в уме и встала.

— Хоть часть-то мы можем взять на себя?

— Не понял, — обомлел Федот Федотович, догадываясь, о чем пойдет речь.

— Давайте помечтаем вместе...

— У меня булочки сгорят, — сорвалась с места шеф-повар.

Заведующий подошел к окошку, глянул, готов ли лимузин, и сказал:

— Я, вы знаете, уже не в том возрасте, чтобы мечтать бесперспективно.

— А жаль. Вы посмотрите на наши луга вокруг. Сколько тут сена, соломы, силюса. Я уже не говорю о помоях. Завести тройку-пятерку коров, пороссят. Вот вам и котлеты без жил.

Заведующий прищурился, прикидывая всю «грандиозность» замысла главврача, и со вздохом умудренного опытом человека сказал:

— Свежо предание, но верится с трудом. Коммунизм, если мне память не изменяет, строится не на одном энтузиазме, а на разумном расчете, Варвара Дмитриевна.

КОЗЛЫ ОТПУЩЕНИЯ

— Ну не зараза? За сто пятьдесят раз я буду ее клиентам котлету по-киевски готовить. «С чесноком, без чеснока!» Да провались ты пропадом со своим домом. В гробу я его видела...

— И в белых тапочках, — поддала подружке сестра Маша, которая стояла у плиты на кухне и ела щи. — Как же, на нем свет клином сошелся, на этом доме!

— У ней мужик сбежал, поэтому она и бесится.

— Именно. Не бери в ум. Их здесь столько перебывало. Это она на первых порах хорохорится. Фэ Фэ ей быстро рога-то обломает.

— Облома-ает. Держи карман шире. Сидит хмырь и молчит в тряпочку, такой весь из себя.

— Нет, ну, главное: «Почитайте «Смерть Ивана Ильича» Толстого».

— Какого Толстого?

— Ну, не Льва же! У меня на этаже навалом этих Иванов и Ильи-чей. «Любовь и забота — лучшее лекарство». Открыла Америку.

— Ей же надо козла отпущения. Их же с Фэ Фэ в райком вызывали.

— Так ей и надо. Ну?

— Что — ну? Отряхнулась и пошла, как та курочка. Она же чувствует себя королевой, ее где-то похвалили на совещании, а Фэ Фэ досталось.

— Господи, жили себе тихо, не капало сверху. Нет, явилась на нашу голову святоша.

О ПОГОДЕ НА ЗАВТРА

К началу программы «Время» все как штык у телевизора в гостиной. На экране хроника: лагеря палестинских беженцев в Западном Бейруте, уличные бои в осажденном городе.

— Ой, я, наверное, первый свой бой никогда не забуду, — говорит Полина Ивановна.

Мне велено побольше разговаривать, и я использую удобный случай:

— Человека убить первый раз... кажется... вообще невозможно.

— Как там разбирать, — машет рукой Степан Степанович. — Ведь ты стреляешь, я стреляю, он стреляет, она и все. И в какого я попал и в какого ты попал, кто знает?

— Расстрелялся, — одергивает мужа старшая сестра.

На экране разрушенные кварталы и жертвы израильской агрессии. Напольные часы бьют четверть.

— Да не-е-ет. — Семен Акимович сидит — весь внимание, направив слуховой аппарат на телевизор. — Неужели действительно война будет? Часы ведь будут. Не то что годы.

— Месяц, и то вряд ли, — кивает утвердительно Бердяев. — Что ты, шутишь?

Алеша поправляет изображение в телевизоре и принимает участие в беседе:

— В Америке живут хорошо, я по телеку видел. Но не все. Только белые.

— Какая разница, — вставляет Софья Петровна, — китайцы, американцы, арабы? Главное, чтобы совесть люди не теряли.

Президент Рейган на пресс-конференции в Белом доме.

— Мы Рейгану плю-у-унем, будет задираться, — говорит Степан Степанович.

— Расплевался.

Министр обороны США Уайнбергер на параде японских сил самообороны.

— Они теперь не отсижатся за морем. Хватит. Было время — отсиживались, а сейчас не-е-ет.

— Если полезут, в первую очередь им плюнем, а потом уж разберемся, как другие будут себя вести.

— Вряд ли они полезут.

— Они не знают, какие у нас ракеты.

Алеша-то знает наверняка.

— Эх ты, буденовец. — Чистов треплет малыша ласково по загривку.

Нина Матвеевна усиливает звук и подносит палец к губам:

— Тссс.

Всеобщее внимание.

— О погоде на завтра, — объявляет диктор.

Звучат «Времена года» Чайковского, и их мелодию нарушает могучий храп Чистова, который уже спит.

— А как хорошо было бы мирное сосуществование, — вздыхает Софья Петровна.



ЖЕЛАНИЯ СБУДУТСЯ

— Ну, что ж, — говорит после очередного осмотра Варвара Дмитриевна, — координация у нас в пределах нормы, деятельность мозжечка в порядке. Что и следовало доказать. — Она встает и добавляет: — Значит, мои желания сбудутся. Скоро мы с вами попляшем, Павел Андреич.

Я иду по коридору с палкой, облокотившись другой рукой на плечо Полины Ивановны. Она поддерживает меня за поясницу.

В конце залитого солнцем коридора меня ждет Софья Петровна, но пока еще не замечает.

— Ну-ка, Полинушка, отодвиньтесь на минутку, — прошу я старшую. — Я сам хочу.

И я с трудом, но иду без ее помощи.

— Софья Петровна, — окликает мою подругу старшая, — посмотрите, мы уже сами ходим.

Софья Петровна радостно всплескивает руками. Я иду мимо гостиной с напольными часами и кричу, сияя от счастья:

— Разве я иду? Я лечу!

САД, СОЛОВЕЙ, ВОРОБЬИ, КАРПЫ И СТАРАЯ ЛИПА

Голос Крупенина. Прошла зима, и снова наступила весна в жизни моей подруги Сонечки. За это время дом наш неизнаваемо преобразился, и не только внешне. Я чуть было не сделал пред-

ложение Софье Петровне. На меня и сейчас находит эта блажь, но всякий раз, представляя себя женихом, я отказываюсь от этой затеи, не хватает духу.

— Как чудно все оживает, Нина. — Софья Петровна стояла у открытого окошка в шубке, накинутой на плечи, и смотрела, как мы в саду занимались трудотерапией совместно с шефами из совхоза.

— Казалось, никакой надежды на весну, и вот, пожалуйста, и солнышко, и листики на березке...

— Соловей, подлец, опять спать не давал, — сказала Нина Матвеевна.

— А ночи такие, что, ей-богу, спиши и думаешь: «Неужели нельзя было так устроить, чтобы люди не спали?»

Нина Матвеевна прикрыла окно каминной и попросила Софью Петровну:

— Сыграй что-нибудь для души, Соня. Я замучилась с этим словом ночью.

Сонечка присела за рояль, который теперь стоял в каминной, и начала «Я встретил вас...». В саду Варвара Дмитриевна, за которой неотступно следовал Степан Степанович, советовалась с шефами относительно прошлогодних посадок:

— Боюсь, как бы воробы нам не навредили. Их тут целые стаи ни с того, ни с сего.

Голос Крупенина. Степан Степанович, у которого к прежним обязанностям прибавились хлопоты по ферме и по саду, получил надбавку к зарплате и зимними вечерами, которые прежде проводил у дружков за бутылкой красного, прочитывал Полине Ивановне различные пособия по садоводству, которых у него накопилось множество.

— Вам должно быть известно, Варвара Дмитриевна, что пара синиц сохраняет от повреждения до сорока плодовых. — Степан Степанович теперь говорил чинно, с расстановкой, будто докладывал заведующему о состоянии дел.

Не было прежнего Стакан Стаканыча. Чистая телогрейка, лицо хоть и в порезах, но выбрито, только усы зачем-то отрастил, как руль у гоночного велосипеда.

— Необходимо также рассмотреть специфику почвы. Большую роль в этом отношении играют дождевые черви.

— Вот эта яблонька, по-моему, совсем не прижилась, — озабоченно вздохнула главврач.

— А мы ее подрежем, — Степан Степанович секатором подрезал яблоко, — варом замажем, подкормим, и никуда она не денется.

Мимо прошел Бердяев с лопатой и молча поманил Варвару Дмитриевну за собой. Той невдомек был его таинственный вид,

но она последовала за ним. Подойдя к высохшей липе, Бердяев указал пальцем наверх и шепнул:

— Живая.

Только услышав дробь дятла и вслед за этим увидев его сидящим на липе, Варвара Дмитриевна поняла смысл слов старика.

МУЗЫКА

Голос Крупенина. Музыка. Что может быть прекраснее? Она объединяет людей, делает их лучше.

Как-то раз Софья Петровна сказала мне:

— Вокалистам надо учиться со дня рождения и всю жизнь, тогда получится. А когда откроется голос, учиться уже поздно. Необыкновенно трудная профессия. Чему вы улыбаетесь, Павел Андреич?

Я уже давно приставал к ней с одной просьбой:

— Софья Петровна, голубушка, я не прошу в полный голос, но хоть как-нибудь, хоть шепотом спойте мне тот романс.

— Ни за что в жизни. Это было бы далеко не совершенно. Я свое отпела, Павел Андреич, и будет печально, если я испорчу ваше впечатление дурным исполнением. Это святое.

Голос Крупенина. Тем не менее это не мешало ей руководить смешанным хором лопахинских ребятишек и старцев, которые находили особое удовольствие не столько, может быть, в самом пении, сколько в возможности собраться вместе, поделиться воспоминаниями, которых у всех было в изобилии.

«Друзья мои, друзья мои,
Друзья мои, товарищи.
Еще мы будем молоды,
Еще мы будем счастливы,
Хоть и висок седой».

Когда хор пел, лицо Софьи Петровны пульсировало, подобно тончайшему организму, для которого малейшая фальшивь была губительна.

— Нет-нет, Ниночка, милая. — Она бросала клавиши. — В прошлый раз ты лучше работала. Соберись, голубушка. — Нине Матвеевне пришли по душе занятия в хоре. — Забудь обо всем на свете. И ты, Алешенька, не кисни. Это не значит, что нужно петь горлом, но у тебя очень сильное «ля». Дащенка, если ты хочешь петь, как Обухова, нужно работать, работать над собой, детка.

Дащенка обидчиво поджимала губки. Софья Петровна принималась вспоминать, а хор слушать.

— Нельзя было не наслаждаться этим божественным голосом... Этой прекрасной русской артисткой! Это было время, когда



на оперном небе сверкали звезды величайшей яркости: Федор Иванович Шаляпин.

— О-о-о!

— Антонина Васильевна Нежданова... А за пультом стоял сребро-кудрый Вячеслав Иваныч Сук! Я уже не говорю о Козловском. Это моя слабость. Когда Иван Семеныч выходил, зал замирал. Голос!.. Такой страстный голос!.. Такой поразительной тонкости переходы!.. Совершенное искусство по благородству!..

Сенека, нахочившись, сидел в клетке слушая и, когда ему хотелось, чтобы снова попели, говорил:

— Ба-рю-ша!

— Я немного отвлеклась. Вы пока отдохните, — обращалась Софья Петровна к ровесникам, — а ребятишки нам споют Рахманинова. Только помните, что Сергей Васильевич требует необычайно тонкого понимания интонации. Нужно осязать каждый звук и выбирать лишь тот, который чувствуюешь.

Дети начинали петь собранно. Софья Петровна помогала руками, лицом, глазами, и губы ее шептали:

— Очень сильное «эр», очень... погаси, погаси... и аккуратенько «соль»... много, вот так... вот... вот.

Высокое детское многоголосие тихо лилось над холмами, полями, над лесом. Пели «Тихую мелодию». Мы сидели с Егором на verанде, ожидая своих подруг. Я писал, а Егор почесывал ногой Шельму, разомлевшую на полу.

— Чего ты все пишешь, Павлуша?

— «Войну и мир».

— О, брат. Тогда одной тетрадкой тебе не обойтись.

Славно было слушать Рахманинова и видеть, как по лугу Степан Степанович гонит наше «стадо» на ночевку.

— Ребята говорили, вроде Жискар д'Эстен хорошо играет на двухрядке.

— Откуда?

— Вру. Не на двухрядке... на аккордеоне. — Егор ждал от меня подтверждения версии и, не дождавшись, отвечал сам себе: — Что ему теперь осталось? У них ведь тоже пенсии?

— Ему еще рано.

Иногда мы подолгу молчали, но чувствовалось, что думали об одном. К концу дня солнце перемещалось к лесу, и крест лопахинской церквишки сверкал до того ослепительно, что было больно смотреть.

НЕ СРАЗУ МОСКВА СТРОИЛАСЬ

Поднимаясь по лестнице, Федот Федотович озабоченно заметил:

— Дай бог терпения с нашими гавриками. Разболтали вы мне контингент, Варвара Дмитриевна. Раньше были как шелковые.

— Федот Федотович, когда мы уберем эти тюремные решетки? — Главврач пропустила мимо ушей замечание заведующего. — Вы же обещали.

— У вас своих забот по горло, а вы решетки. Обещал, сделаю. — Заведующий был в хорошем настроении. — Не сразу Москва строилась.

Направляясь к палате Софьи Петровны, главврач призналась заведующему:

— Я уже боюсь эту Птицыну. Она буквально замучила жалобами.

— А вы не бойтесь. Вас должны бояться.

В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ УРОДА

В палате Нина Матвеевна Птицына сидела, отвернувшись к окну, поджав губы. На кровати растерянная Софья Петровна нервно теребила краешек банта на груди.

— У вас тут многое неясного, — заторопился заведующий, помахивая бумагой, — все как-то через пень колоду и целых два листа. Что вас, собственно, не устраивает?

Нина Матвеевна даже не обернулась.

— Ну, что вы кускитесь, бабуся? — Заведующий посмотрел на часы.

— Не «бабуся», а Нина Матвеевна, — вспылила жалобщница. — А «бабуся» у себя дома, пожалуйста.

Главврач присела на стул и сказала:

— Вы заявляете, что у нас здесь не дом, а сплошное недоразумение.

— Я не пишу «недоразумение». Вы не извращайте смысл.

— Но, судя по жалобе, вам все не нравится, — вмешался заведующий. — То пища недостаточно подогрета, то она слишком горяча. Советую прежде думать, чем писать.

— Десять раз говорила: молоко я люблю холодное, а первое, второе, чтоб обжигало. Если у поваров не хватает терпения, то их следует научить.

— Нет, вы представляете?! — Заведующий оторопело глянул на главврача, а потом на Нину Матвеевну. — Вы на каком свете? — Главврач кашлянула, и заведующий убавил напор. — Холодное нельзя пить, ангина будет, бабуся.

— Опять «бабуся»?

— Нина Матвеевна, вы жалуетесь, что врачи вам не уделяют внимания, — спокойно сказала главврач, — потом они же мешают вам десятикратными визитами. Ну, посудите сами...

— Сколько раз я просила спилить эту липу. Я от нее не сплю ночами.

— Спилим, — сказал заведующий. — Что еще прикажете?
— Вот, полюбуйтесь, — Нина Матвеевна указала на стену над кроватью Софьи Петровны, которая была сплошь увешана фотографиями ее выступлений, афишами. — Я просила ее не устраивать здесь публичный дом.

— Вы бы, милочка, подбиравали выражения. — Софья Петровна в недоумении развела руками. — Чем вам это мешает?

Главврач постаралась успокоить ее взглядом и присела рядом с жалобщицей.

— Нина Матвеевна, войдите в положение Софьи Петровны. Скоро у нее юбилей, такое событие.

— Может, их расселить? — Заведующий нашел выход.

— Я отсюда никуда не пойду. — Птицына была настроена агрессивно.

— Непременно, — сказала Софья Петровна, — и сию же минуту. Это в конце концов невыносимо, Нина.

Заведующий с облегчением вышел отдавать распоряжение, и Софья Петровна последовала за ним. Главврач осталась успокаивать соседку, которая еще раз презрительно посмотрела на афишу, где была изображена Софья Петровна в длинном платье с декольте.

— Это просто образец безнравственности. И не стыдно людям в глаза смотреть. С кавалером тут манипулирует. Приходит ночью, когда ей вздумается. Не дом, а какой-то вертеп. Не дадут умереть спокойно. Это вы всех распустили.

— Разве вам запрещают делать то же самое? Я знаю, что вы добросовестно трудились всю жизнь. У вас есть грамоты, какие-то памятные вещи. Пожалуйста, увешайте ими хоть всю стену. И дружите с кем вздумается. Это же ваш дом.

— Насчет труда тоже. Вся эта ваша трудотерапия, — ухватилась за новую мысль Нина Матвеевна. — Я не герой, но кое-что сделала для Родины и могу отдохнуть хоть на старости лет.

— Хорошо, только успокойтесь.

— Я не намерена выхаживать яблони коту под хвост, чтобы их ел кто-то другой, — все больше распалялась Птицына. — Вы не эксплуататоры, а мы вам не наемная сила.

— Не волнуйтесь, ради бога. Я позабочусь, чтобы вам подыскали другое дело. — Главврач поднялась. — Но освободить вас совсем от трудотерапии мы не можем. Это вам вредно.

Вернулся Федот Федотович.

— Я думаю, вам подойдет вышивание, — сказала на прощание главврач.

— Без труда, сами знаете, бабуся, — дополнил заведующий. — Без чего не вынешь рыбку из пруда?

— Без червяка, — выпалила ему вслед Нина Матвеевна.



ОБРАЗ ПТИЦЫ, ВОЗНИКШИЙ У ЧИСТОВА ПРИ МЫСЛИ О НИНЕ МАТВЕЕВНЕ

Голос Крупенина. Андрей Сергеевич Анисимов рискнул написать групповой портрет с натуры: Софьи Петровны, Анны Тимофеевны, Чистова и мой. Клеточный период живописи был уже позади, и я часто видел Андрея Сергеевича, как он колесил по территории в своем моторизованном кресле, выбирая для этюдов то один, то другой уголок, то ли пишущим корову на лугу, то ли Шельму, то ли лопахинских ребятишек.

— Только не ручаюсь, — сказал он. — Сами понимаете, такое дело.

Мы сидели под липой, которую художник облюбовал как фон. У Софьи Петровны было упадочное настроение после случившегося. Я думал о том, чем отвлечь ее. Чистов перекидывался редкими репликами с Анисимовым, который делал первый набросок карандашом. Анна Трофимовна дремала. В вольере из сетки прохаживались куры. Шельма иногда подбегала к Чистову, заглядывала хозяину в глаза и снова принималась то заигрывать с котенком, который грелся на солнышке подле ног Анисимова, то пугать лаем кур в вольере.

— Андрюша, милый мой, — сказал Чистов, — ты мне курицу нарисуешь, будь добрый?

— Курицу? — Анисимов почесал затылок карандашом. — Тебе живую, или жареную, или, может, вареную?



— Мокрую.

— Этот год — год собаки, — сказал я. — Нужно иметь дома кусочек собачьей шерсти, или рисунок, или фото.

— Я тебе Шельму нарисую. Она у тебя умница.

— Вся в деда пошла, — засиял Чистов. — Нынче по лесу бродили; она уж белку понимает, все честь по части. А, Шельма? — Чистов поцеловал подбежавшую собаку в морду. — Мы, скажи, умнее Наума. — Он еще раз прижал к себе собаку. — Вот внучка у меня, в жизни лучше не будет.

— Какая прелесть, — отвлеклась от своих мыслей Софья Петровна. И, поглядывая собаку: — Только зачем вы ее прячете, Егор Александрович? Пусть бы себе жила на территории.

— Ему Фэ Фэ запрещает.

Чистов встал, глянул на набросок и, возвратившись на место, повторил:

— Ну, так как насчет курицы?

— Надо подумать. — Анисимов был увлечен работой.

Утром на доске объявлений висела карикатура, изображавшая мокрую курицу со змеиной головой, похожей на Нину Матвеевну. Курица несла много-много яиц, из которых «вылупливались» странички жалоб. Подпись под карикатурой гласила:

«Врешь, девица, знай границу.

Налог наложим на мокрую птицу».

Нина Матвеевна протиснулась сквозь толпу зрителей и сорвала карикатуру.

«СЛУШАЮСЬ, ВАШЕ ВЫСОКОРОДИЕ!»

«Мокрая курица» пожаловалась заведующему, заперлась в комнате и никого не впускала.

Полина Ивановна принесла ей завтрак и постучала.

— Оставьте меня в покое, — послышалось из-за двери. — Дайте мне спокойно умереть.

— Нина Матвеевна, будет вам. Поешьте, остынет.

— Умру здесь с голоду, и вас всех посадят за решетку!

— Я вам на столике оставлю. Только, пожалуйста, поешьте. И на уколы приходите. Я вам вне очереди сделаю.

— Умру! — Решение, казалось, не подлежало сомнению, хотя в этот момент Нина Матвеевна глядела в замочную скважину, видела шипящую яичницу на сковороде, горячий чай и старшую сестру.

...Чистов сидел в кабинете заведующего с подчеркнутым виноватым видом, хотя во взгляде нет-нет да и мелькали веселые чертики. Федот Федотович был строг, но справедлив.

— Вы у нас, Чистов, оказывается, поэт. То, что вы щенков к себе в постель таскаете, то, что они гадят на территории, это отдельный разговор. Мне ведь все докладывают. А вот это, — заведующий постучал карандашом по карикатуре, — за это по головке не погладят. Вы себе представляете, если она действительно объявит голодовку?! А если она умрет? А она может.

— Все там будем, Федот Федотович.

— Зря вы улыбаетесь. Вы мне своих порядков не устраиваете. Здесь и без вас хватает. — Заведующий принялся чинить карандаш, намеренно удлиняя паузу. Потом подошел к окну, глянул в бинокль на территорию, не оборачиваясь, спросил: — А может, вас в другой дом перевести, Чистов?

На лице Чистова улыбки как не бывало.

— Нехорошо, Чистов. Не по-джентльменски.

— Не по-какому?

— По-хулигански! — Заведующий не сдержался и крикнул: — Всем «ваньку» здесь не валяйте. Какая бы она ни была курица, но это хулиганство, статья двести шестая...

— Хоть тыща шестая. Один черт, скоро помирать.

— Мы сначала разберемся, кто вас этому научил, а потом помиряйте с богом.

Чистову надоела канитель. Он поднялся, одернул мундир, который надел по случаю вызова к начальству, отпечатал три гренадерских шага к столу, взял под «коzyrek» и, вытаращив глаза, гаркнул, как, бывало, на плацу:

— Слушаюсь, ваше высокородие!!! Так что, согласно предписанию, разрешите идти помирать!!!

Чистов повернулся и вышел парадным шагом. Заведующий зло посмотрел ему вслед.

У САМОВАРА Я И МОЯ МАША

Ночью, когда дом уже спал, дежурная Маша сидела в гостиной, где стоял сестринский столик с лампой, и от нечего делать учила говорить Сенеку:

— Варвар.

Попугай отвечал заученное:

— Ва-рю-ша...

— Нет, Сенека. Не Варюша, а варвар. Повтори-ка.

— Ва-рю-ша...

Услышав чьи-то шаги по коридору, Маша открыла тетрадь и сделала вид, что пишет. В гостиную вошел Федот Федотович в шляпе, в плаще, весь промокший, с фонариком в руке.

Голос Крупенина. Заведующий жил в доме на территории, так что этот визит не был неожиданностью для Маши, тем более что в ее дежурства он частенько наведывался и любил сиживать с Машей в кабинете, беседуя за чашкой чая. Как правило, после таких бесед в окне кабинета еще долго горел свет.

— Работаешь?

— Ага.

— Я тоже решил покумекать, — зевнул заведующий.

Мы с Софьей Петровной, проходя на цыпочках мимо, шепотом поздоровались, и я заметил, как Федот Федотович недовольно глянул на часы.

— Ты зайди ко мне, как кончишь. Я цейлонского заварю, — сказал он Маше.

Я пожелал Софье Петровне доброй ночи, поцеловал ей руку и дождался, когда за ней затворилась дверь. Чистов уже спал и не слышал, как в дождливой ночи где-то за территорией лаяла Шельма.

В кабинете шумел самовар. Маша плакалась в жилетку заведующему.

— Она просто комок нервов. Я понимаю, она главврач и все такое, но не до такой же степени. Я от нее сама скоро психопаткой стану. То ей не так, то не этак, то не надо, то неладно. Я просто как-нибудь дверью хлопну и уйду. Просто сил никаких.

— Терпи, казак, атаманом будешь. — Заведующий подлил себе из самовара и ухмыльнулся. — Помнишь у Лещенко: «У самовара я и моя Маша». — Он отошел к окну. — Хотя у нас теперь свои кумиры.

В коридоре пробили часы. Далеко, не переставая, лаяла Шельма.

— Надо идти укол Липчуку сделать, — сказала Маша. — С этими уколами тоже все мозги продолбила.

— Тут ты не права. Ты за это деньги получаешь. — Федот Федотович отпил глоток, потер щетину и, как невзначай, спросил: — Не знаешь, где Чистов свою собаку прячет?

— У него несколько мест. Она там в полном комфорте. Специальную будку на колесиках смастерили. С ума сойдешь с нашими клиентами. Сегодня вот что-то развязалась. — Маша зевнула, потянулась и обмакнула сушку в чай. — Федот Федотович, Варвара не от слова «варвар» происходит?

Заведующий поперхнулся.

— Ну, ты даешь, Мария.

Мне не спалось. Я стоял у окошка и смотрел на улицу. Дождь кончился, капало с крыши.

Далеко, тараканы ночь ярким острием прожектора, пронеслась электричка. Внизу хлопнула дверь. Чья-то фигура с фонарем прошла по маршруту номер два. Шельма продолжала лаять.

НА БОГА НАДЕЙСЯ, А САМ НЕ ПЛОШАЙ

Голос Крупенина. В самом названии нашей обители есть слово «дом». Дом предполагает любовь, заботу, понимание, наконец, простую человеческую близость, которую мы, домашние, ждем друг от друга взамен той, ушедшей навсегда. С приближением дня рождения Софии Петровны Варвара Дмитриевна организовала «тайное общество» по проведению ее юбилея. Общее руководство осуществляла она сама, а исполнителей нашлось достаточно: и Чистов, и старшая сестра, и Федот Федотович, и Анисимов, который задолго до юбилея стал писать плакаты и лозунги, а по ночам завершал свое живописное полотно.

Я стоял у окошка в кабинете главврача и через решетку наблюдал, как Степан Степанович в окружении ребят из Лопахина испытывал новую модель моторизованного кресла-каталки, поблескивавшего на солнце новенькими деталями. Варвара Дмитриевна говорила по телефону со знакомым журналистом.

— Я не прошу тебя целый подвал. Каких-нибудь двадцать строчек. Это все же событие для человека.

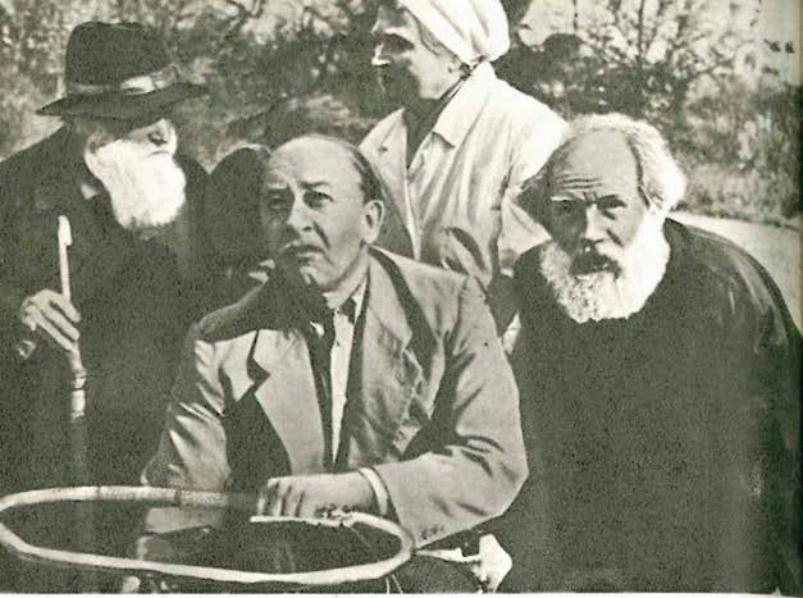
— Вот перечень дат, — шепнул я, положив на стол записку.

— Дадим тебе все ее даты, заслуги... Ну, не все, через раз... Но человеку все же восемьдесят, а не сорок. Хоть вкратце... А у кого оно есть?.. Илюшка, если бы я была журналисткой, неужели я бы тебе отказала?

— Я сам напишу, — вставил я между делом. — Пусть он только подпишет.

Варвара Дмитриевна отрицательно качнула головой.

— Ну, пожалуйста, я тебя очень прошу... А лучше приезжай, поговори с ней сам. Я тебе рюмочку спирта поставлю, молочком парным попою, а то совсем стал, как дистрофик. Да, слушай, в райком не нужно звонить? А то они дадут команду. Перезвони мне. Привет. — Она бросила трубку, вздохнула. — Это проехали. Что у нас дальше?



Голос Крупенина. Похоронили мы Шельму в лесу, и нам стоило немалого труда уговорить Чистова вернуться в дом. Ужин я принес ему в комнату, но ни к ужину, ни к завтраку, ни к обеду следующего дня, ни через деньги, ни через два Чистов не притронулся. На попытки Варвары Дмитриевны успокоить его он монотонно отвечал, что «сам виноват», и большего от него было не добиться.

ДЕЛО В ШЛЯПЕ

Голос Крупенина. Дождавшись, когда Варвара Дмитриевна уедет по неотложным делам в город, заведующий вызвал психиатра для освидетельствования Чистова. Разумеется, из «гуманных побуждений».

Психиатр оказался сорокалетним усталым человеком с усами, с залысинами, с печальным взглядом и часто по поводу и без повода тяжело вздохающим.

— В конце концов, это не гуманно, — сказал заведующий, — если человек погрим с голоду.

— Упечь туда, откуда дорога назад... затруднительна, конечно, можно, — вздохнул психиатр. — Налицо депрессия. Старику все равно.

— Он неадекватен.

— Не будем употреблять это шаблонное слово.

Заведующему не понравилось замечание психиатра, но он, не показал виду, налил ему из самовара чаю, как дорогому гостю.

— Сосед по палате говорит, что Чистов очень эмоциональная личность. — Психиатр надломил сушку и отпил глоток чаю.

Заведующий направил психиатра в нужное русло:

— Я так понимаю, что депрессия — это психоз.

— Безусловно. Он может стать забывчив, может совершать какие-то нелепости, путать все. — Психиатр посмотрел в окошко, за которым стояли рядом его «Жигули» и лимузин заведующего. — Старенький.

— Ничего, — сказал заведующий, — этот старичок еще вашему «Жигулю» фору даст.

— Но при доброжелательном отношении окружающих, — продолжал психиатр прерванную мысль, — все может кончиться благополучно. Это уже зависит от пластичности его психики, от ситуации вокруг. Один человек находит оправдание любым поступкам, подлости, преступлению, другой, как Чистов, будет мучиться не своей виной.

— Не мне вам говорить, — заведующий решил заточить карандаш, — отказ от еды — достаточная причина для его госпитализации.

— Я тут подготовил «смету». Гляньте, пожалуйста.

Она надела очки и торопливо стала смотреть «смету», приговаривая:

— Так... так... цветы у нас свои, вычеркиваем... на кухне Федот Федотович договорится... от спирта вы начнете буйнить, вычеркиваем... скиньтесь на шампанское... Хорошо бы, конечно, разыскать старых друзей...

— Я постараюсь.

За окном раздался женский вопль. Софья Петровна, задыхаясь, торопилась по маршруту номер один, прихрамывала, бедняжка, и кричала:

— Варюша, Павел Андреич, зовите скорее Федот Федотовича! Егор Андреевич утопился!..

ГОРЕ

Голос Крупенина. Чистов нашел Шельму мертвый у плотины. Говорят, он носился по берегу с ней на руках, крича проклятия в свой адрес и виня во всем одного себя.

Когда мы прибежали к плотине, он сидел мокрый на песке, прижимая к груди Шельму своими руничками. Лучше бы мне не видеть его глаза. Полина Ивановна тронула его за плечо.

— Встаньте, Егор Андреевич. Простудитесь.

Не внемля, Чистов поглаживал Шельму и тупо смотрел сквозь гладь пруда.

— Конечно.

— Так в чем же дело?

Психиатр подошел к вешалке, на которой висела шляпа заведующего.

— Дело, как говорится, в шляпе. У меня тоже такая. В Сочи купили?

— В Мисхоре. — Заведующий сыграл пассаж пальцами по столу. — Боюсь, как бы старик не того-с. — Жест обозначал «спятил». — У нас и так в доме целый траур по этому поводу.

— Это хорошо. Если он будет чувствовать участие...

— Хорошо, да не совсем. Контингент у нас, сами видите. В их возрасте лучше без отрицательных эмоций.

— Насчет эмоций сейчас все перепуталось, — психиатр подлил себе из самовара. — Корка, подкорка, миллион теорий, миллион доказательств, и рефлексы уже не там начинаются. Так что бабушка надвое гадала... Я посоветуюсь с вашим главврачом.

— Я не требую, чтобы вы увлекли его навечно. Пусть подлечится, а там милости просим обратно.

Психиатр поморщился, еще раз вздохнул, глянул на заведующего, на шляпу.

— Знаете этот анекдот? — неожиданно улыбнулся он.

— Про шляпу? Вот с такой бородой.

Под окном раздался сигнал лимузина.

У лимузина стоял пожилой дачник с удочками, чуть дальше из «Запорожца» выбирались его спутники.

— Сейчас иду, — по-приятельски поприветствовал их заведующий. Когда он обернулся, кабинет был пуст. И в коридоре уже не было психиатра.

— Я совсем забыл, — крикнул он, торопливо отпирая дверцу своих «Жигулей». — У меня очень важное деловое свидание.

Заведующий просунул через решетку руку со справкой.

— Вы ничего не написали!

— Позвоните мне в больницу.

Заведующий не сообразил, что предпринять, как «Жигули» с пробковской рванулись с места.

— Федотыч, у тебя еще осталась пара карпиков? — У дачника было отличное настроение.

ПСИХОПАТКА

Я впервые видел Варвару Дмитриевну в таком крайнем раздражении. Не обращая внимания на наши приветствия, она пронеслась по коридору в плаще-накидке, не раздеваясь, влетела в кабинет заведующего, взяла с места в карьер.

— Я понимаю, что Чистов не может рассчитывать на любовь товарища заведующего! Мало того, что он над ним издевался, теперь он хочет отделаться от него, потому что из всего контингента, — она подчеркнула это словечко, — Чистов его чем-то не устраивает! Непонятно, правда, чем! «Дедуся «ваньку» валяет! Пусть на всякий случай очухается в психушке, а там, дай бог, и коньки отбросит». Мне тоже все докладывают, не одному вам!

Заведующий совсем не ожидал такого крецандо.

— Советую прежде думать, чем говорить глупости, — пассаж был сыгран спокойно, но в пальцах чувствовалось напряжение. — Я желаю Чистову добра, как и всему... — Тут был сбой. — ...как и всем нашим клиентам. Мы не сумеем обеспечить Чистову соответствующего лечения.

— Оставьте ваш фельдфебельский гуманизм! — Окна в кабинете были открыты, и крик был слышен на улице.

— Значит, вы так ставите вопрос, — сказал заведующий, закрывая окна. — Хотите в открытую.

— Я по-другому не умею и вам не советую.

— А если он повесится?! Если он у меня сдохнет с голода?! Нет, вы представляете? Я вовсе не намерен получать за него взыскание.

Варвара Дмитриевна оторопела от этого «взыскания» и, не сразу поняв, о чем речь, смотрела на заведующего, пытаясь сообразить логику сказанного.

— Вы меня не гипнотизируйте. — Заведующий понял ее взгляд по-своему. — Я не склонен к внушению. У меня не тот тип нервной системы.

— Идиот. — Сказано было спокойно, спокойнее не скажешь.

Этого не было в партитуре у заведующего, хотя он мог бы и не играть дальше (все было написано на лице), но он все же рявкнул:

— Вон из моего кабинета!!!

Варвара Дмитриевна хлопнула дверью так, что ложка в стакане заведующего звенела до тех пор, пока он ее не остановил.

Заведующий ворвался в кабинет главврача, который был напротив.

— Допустим, я — идиот. Меня это устраивает, если вы считаете себя нормальной. Вас-то точно пора лечить... и показывать из клетки.

— Я уже отсидела. — Варвара Дмитриевна указала на оконную решетку. — Хотя год назад кто-то обещал ее снять.

— И еще отсидите, только не за этой.

— Не сомневаюсь, если за дело возьметесь вы.

— Я не намерен нести ответственность за перерасход по вашей милости. Недурно устроились за государственный счет: своя ферма, птичник, бильярд, карпики в пруду. И бесплатная рабочая

сила ко всему в придачу. Ишь какая барыня! — На лице у заведующего выразилась иезуитская улыбочка, оголившая острые, один к одному, зубки с клыками. — Таким, как вы, только дай. Вы ведь последнего старика заставите на себя пахать.

— В ваших устах гуманизм не звучит.

— Известно. Это вы у нас одна святоша. Как же, как же... ее на совещаниях хвалят. Откуда вы взялись такая богородица?..

— С неба упала. — В глазах у Варвары Дмитриевны стояли слезы, но тон был спокойный, только губы подрагивали.

— Жаль, что не расшиблись. Я бы вам памятник из бронзы отлил.

Варвара Дмитриевна не могла больше терпеть эту пытку.

— Выйдите вон из моего кабинета... и не забудьте подыскать Чистову отдельную комнату.

— Ага, разбежался. Может, ему еще мулаточку-горничную вместо его бабуси. У меня других проблем нет, кроме ваших любимчиков.

— Вый-ди-те вон из моего ка-би-не-та, — повторила Варвара Дмитриевна.

— Это не ваш кабинет, а государственный. — Он ткнул пальцем в стену, где в уголке над селектором висели портреты Н. Мордюковой, Б. Дэвис, Б. Бабочкина, С. Трэси, Л. Савельевой, С. Бондарчука, В. Высоцкого и М. Влади. — И порнографию не советую разводить. Здесь вам не Монте-Карло.

— Закройте, пожалуйста, дверь с той стороны государственного кабинета.

У заведующего кончились слова. Осталась молчаливая ненависть и ослиное упрямство. В этот момент мимо окошка главврача проходил Степан Степанович с инструментом в руках.

— Степан Степанович, — окликнула его Варвара Дмитриевна, — подайте мне, пожалуйста, молоток и зубило. — Тот подал. — Спасибо, Степан Степанович. Я вам потом принесу.

Заведующий насторожился, от «святоши» можно было ждать чего угодно.

— Не выйдете? — Варвара Дмитриевна шагнула к заведующему.

— Ага, испугался. Держи карман шире.

Варвара Дмитриевна подошла к окну и стала долбить зубилом стену, в которую была вмонтирована решетка.

— Психопатка, — прошипел заведующий и пулей вылетел вон.

ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ

Всю ночь в окошке Федота Федотовича горел свет. Он курил и писал: «Первому секретарю Ждановского райкома КПСС тов. Буслаеву А. Н. от заведующего Домом ветеранов тов. Житнева Ф. Ф.

Уважаемый Анатолий Николаевич! Довожу до вашего сведения, что в течение последнего времени, а именно с назначением на должность главврача тов. Волошиной В. Д., во вверенном мне доме создалась нетерпимая обстановка, которая требует вмешательства и разбирательства».

Федот Федотович перечел написанное, вздохнул, поставил птичку после «вмешательства» и сверху дописал «компетентных органов».

Федот Федотович отложил ручку и отпил глоток чаю.

«...Прошедшее время дало возможность тысячу раз убедиться в полной противоположности характеров. — Он зачеркнул «характеров» и продолжил: — ...Взглядов на профессиональные обязанности, интересы, цели и стиль работы. Мы утратили взаимное уважение и доверие. В результате в коллективе возникли непонимание, подозрительность, а среди контингента не проходит дня без неприятностей и жалоб, без ссор и раздоров...».

Федот Федотович походил из угла в угол, выкинул из пепельницы окурки в форточку, включил самовар и опять уселся писать.

«...Каковы же объективные причины, инициатором которых является главврач и которые, на мой взгляд, требуют немедленного устранения?»

Федот Федотович долго смотрел в окошко. Потом распечатал новую пачку чая, прикрыл кранчик самовара, из которого капало, и, усевшись за стол, обхватил голову руками, задумался, будто уснул на какое-то время. Погасив папиросу, он перешел к главному:

1. Неоправданные финансовые расходы.

2. Использование служебного положения с целью сведения личных счетов и, как результат, сокращение полезных работников.

3. Нарушение норм безопасности контингента (были случаи отпуска контингента в город во время карантина. А также устранение решеток с окон и непродуманное разведение скота с последующим падежом).

4. Эксплуатация старческого труда.

5. Нарушение норм гигиены (допуск в помещение птиц, кошек, собак).

6. Нарушение лечебного режима (азартные игры, употребление спиртных напитков)».

Далее следовали более мелкие «грехи» Варвары Дмитриевны, такие, как панибратское отношение с нами, создание «коалиций», попустительство «любимчикам», допуск на территорию посторонних, и т. д. и т. п. Над этой страницей Федот Федотович много потрудился, перечеркивая, переписывая, комкая лист за листом и выпив не одну чашку чаю. Закончив свой труд к утру, Федот

Федотович принсялся перепечатывать его на машинке. Вот чем заканчивалось письмо:

«...Уважаемый Анатолий Николаевич! Мои неоднократные указания главврачу на ошибки, взаимные примирения, которых было сотни, только усугубляют дело и ничему ее не научили. Дальнейшие попытки немыслимы. Все это явно сказывается на здоровье, психике, нервах контингента, создало затяжную депрессию у некоторых из них. В таких случаях даже преданность делу омрачается чувством горечи. Самым трудным и болезненным, но самым честным и правильным в создавшихся условиях будет отстранение от должности одного из нас. Не мне судить, кого».

СЕМЕЙСТВО АККОМПАНИАТОРА

Голос Крупенина. Приближался юбилей. Как на грех, недели за три в городе началась эпидемия гриппа, в Доме объявили карантин, и Федот Федотович на законном основании лично повесил на ворота старый амбарный замок. С секретного позвонения Варвары Дмитриевны я тайком наведывался в город, тщетно пытаясь найти кого-нибудь из старых друзей Софьи Петровны. Какова же была моя радость, когда наконец мне удалось разыскать того самого аккомпаниатора, о котором мне когда-то поведала Софья Петровна.

Когда я позвонил в дверь, раздался многоголосый лай, будто в квартире размещалась целая псаарня. После некоторой возни и окриков лай удалился, и на пороге возник худющий, с живыми глазами старик в халате, который висел на нем как на вешалке. Когда я представился и сказал о цели своего визита, он долго не мог сообразить, что к чему.

— Позвольте, позвольте! Что вы такое говорите?! Как! Сонечка жива?! О, господи! — Он воздел руки к потолку, который давно требовал ремонта. — Это фантастика!

Из другой комнаты послышался скрежет, и хозяин, извиняясь, спросил меня:

— Вы не боитесь собачек?

Я ответил, что напротив, и он, пригласив меня присесть и удаляясь переодеться, выпустил собак в гостиную со словами:

— Они не тронут. Они у меня воспитанные. Ну-ка, не приставать, Тришка, — окликнул он молоденького курцхара, который, став на задние лапы, пытался лизнуть меня в лицо. — Мне неловко, я мигом переоденусь.

Пока я разглядывал гостиную, большую часть которой занимал рояль, он продолжал вслух недоумевать по поводу внезапного исчезновения Софьи Петровны несколько лет назад:

— Это делает честь ее душе, но разве можно так вдруг исчезнуть с горизонта? И с тех пор ни слова! Соня жива, боже мой! Я не

могу поверить! Хотя Соня всегда оставалась Соней. Никто не знал, что это чудо сотворит в следующий момент. Она и в жизни, и на сцене была непредсказуема. Ее, бедняжку, наверное, замучила аллергия.

Все стены гостиной занимали фотографии собак. Каких тут только не было: легавые, борзые, овчарки, пойнтеры, гончие, таксы, лайки, курцхары, спаниели, совсем мне неизвестные, и все с медалями, которые на лентах висели под каждым из портретов, напоминая хозяину о былой славе его почивших питомцев. Судя по стати нынешних друзей, которые, высунув языки, разлеглись под роялем, с любопытством поглядывая на меня, эти тоже были отборных кровей. Аккомпаниатор вышел ко мне, приодетый в легкую куртку со стоячим воротничком, с шелковым шарфом на шее, заправленным под свежую рубаху, с перстнем на правой руке и с подносом, на котором стояли наполненные рюмки и кофейник с чашками. Заметив, как я разглядываю его «галерею», он сказал:

— Как вам мое семейство? У меня их было пятьдесят шесть за всю жизнь. Теперь, когда я уже давно не аккомпанирую, это стало делом моей жизни. Я занимаюсь судейством на выставках. — Он налил мне кофе и шутливо добавил: — Могу вам удрожить щенка. Причем, заметьте, любой породы. Я вам так обязан за ваше известие о Соне. Собачники на меня молятся, — сказал он с гордостью. — Что вы, шутите? Все медали от малой до большой золотой вот в этих руках. — Он прищелкнул от удовольствия языком. — За нашу Сонечку. Мы ей устроим пир на весь мир!

Голос Крупенина. Мы разговорились о Соне, о молодости, он много расспрашивал о доме, в каких условиях там Сонечка, как нас кормят, есть ли у нас развлечения, каково лечение, можно ли держать животных. Я по возможности полно отвечал на его вопросы. Когда я сказал, что Софья Петровна руководит хором, он был в полном восторге и спросил, трудно ли к нам устроиться.

— Я звякну в Москву Иван Семеновичу, и он, если будет в здравии, обязательно приедет. Он очень ценил Софью Петровну и, я уверен, будет очень рад узнать, что Соня жива.

На белой стене висел небольшой портрет Софьи Петровны. Холст излучал столько света, что невольно хотелось подойти и погреться под лучами Сонечкиной улыбки.

— Неповторимый Сарьян, — послышалось за спиной. — Ни у кого больше нет такого солнца.

ПИР НА ВЕСЬ МИР

В день юбилея Софье Петровне с утра не здоровилось. Еще до завтрака Нина Матвеевна, которая регулярно следила за прессой, вошла в комнату, потрясая газетой.



— Соня, пляши. — Увидев, что соседка еще в постели, она неодуменно всплеснула руками. — Соня, как ты смеешь лежать в постели?! О тебе пишет вся пресса! Посмотри на себя, какая ты здесь красотка. Ну-ка, встань и одеваться немедленно.

— Хоть в этот день, Нина, оставь меня в покое. Не люблю, когда со мной так шутят.

— Какие шутки?! — Нина Матвеевна вручила ей газету, развернув на нужной странице.

Софья Петровна не сразу сообразила, где читать.

— В глазах немножко плывет, как у Моне. Подай мне очки, дружок! — Она пыталась привстать, но ей это не удавалось. — Надо давление измерить.

Соседка подала ей очки и помогла приподняться на подушках.

— Сегодня я буду твоей фрейлиной. Хочу понежиться в лучах твоей славы. Что с тобой, Соня?

На Нину Матвеевну смотрели потрясенные, полные слез глаза восьмидесятилетней девочки.

— Нина... Ниночка... — Бедняжка никак не могла поверить в то, что прочла, а только потрясала газетой, кивала головой и все повторяла: — Ниночка... Нина!..

— Господи, Соня, ты меня пугаешь. Может, позвать сестру?

Софья Петровна не могла говорить и только благодарно поглаживала руку Нины Матвеевны.

— Соня, прости меня, я больше не буду, — неожиданно виновато сказала соседка. — Я ужасно вздорная паршивая старуха... Но скажу честно — мне тебя очень не хватало все это время.

Софья Петровна, всхлипывая, молвила:

— За что я тебя люблю, Нина, — с тобой не соскучишься. Но что же нам делать, дружочек? Я ведь не причесана.

В киноконцертном зале сестры во главе с Варварой Дмитриевной и Анисимовым оформляли стенд к юбилею Софьи Петровны. Весь задник был украшен афишами ее выступлений. Федот Федотович заглянул в зал и подошел к Анисимову.

— Будет пресса, — сказал он и указал на задник, — так что обязательно цифру восемьдесят выведи.

— Это не по-джентльменски, Федот Федотович. Кто же напоминает женщине о возрасте?

На падуге поднимали лозунг: «Старость — не конец, а венец жизни». Заведующий одобрительно кивнул.

— Сам придумал?

— Варвара Дмитриевна, — ответил Анисимов.

Я вошел с огромным букетом роз в прибранный комнату.

— Сюда нельзя. — За ширмой юбилярша заканчивала туалет, и ко мне вышла новоиспеченнная «фрейлина». Принимая розы, она шутливо спросила: — Как прикажете доложить?

— Павел Андреич Крупенин. — Я прищелкнул каблуками. — Ваш сосед из восьмого номера. Поклонник таланта ее величества.

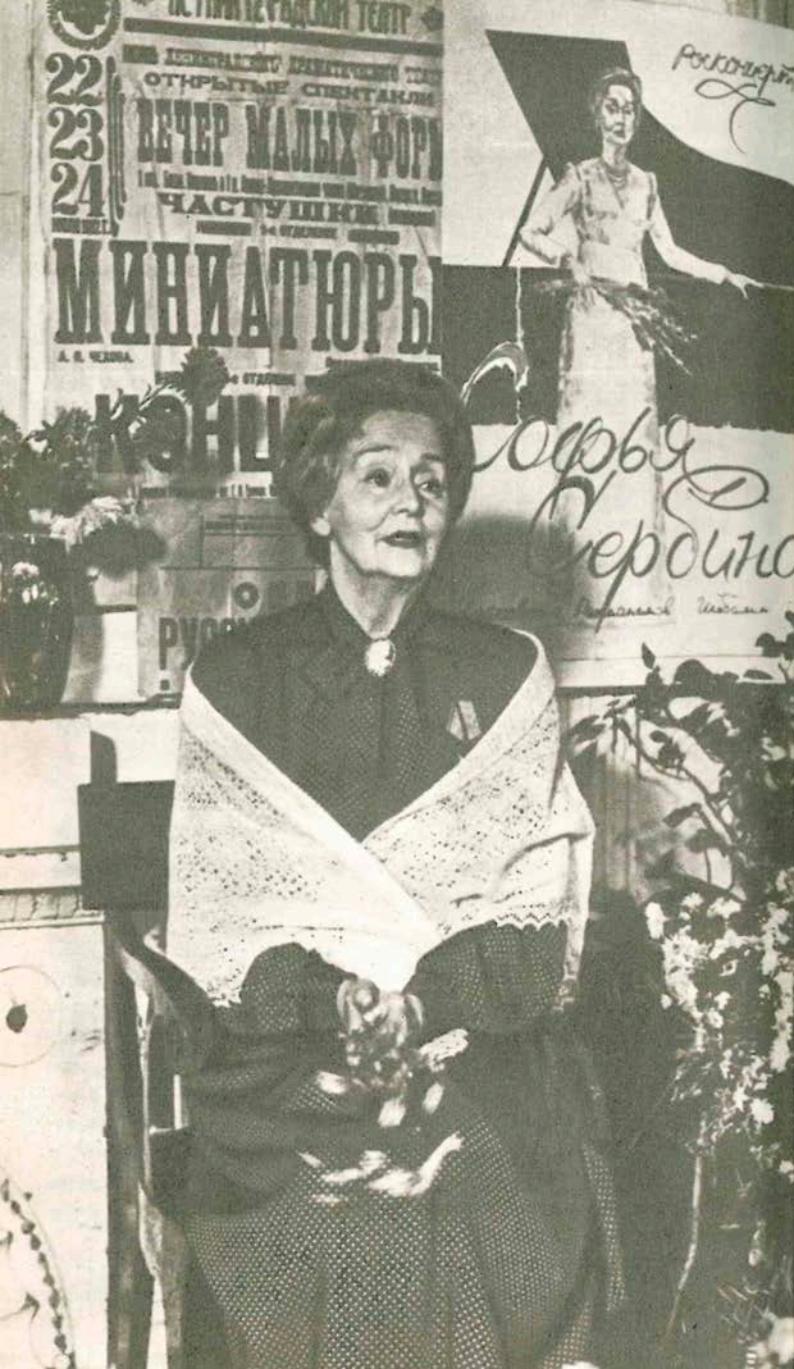
Софья Петровна появилась из-за ширмы в блестательном туалете, и мы расцеловались.

— Павел Адреич, голубчик, я очень волнуюсь. Как вам мой туалет?

— Ну, что первое приходит в голову? — Я был восхищен. — «Я помню чудное мгновенье! Вот это и есть вы, Софья Петровна. И гений, и чистой, и красоты, и что-то совсем необыкновенное, чему даже и слов не сыскать.

Гостей встречали на пороге дома вместе с Варварой Дмитриевной, Полиной Ивановной и еще пятеркой ответственных, у каждого из которых были свои обязанности. Все ждали прибытия Ивана Семеновича Козловского. По этому случаю Федот Федотович распорядился раскатать ковровую дорожку до ворот. Степан Степанович стоял у ворот при медалях и, издали заметив лимузин заведующего, предварительно вытерев туфли о штанину, взял под колырек. Это был знак давать музыку. Послышалось вступление, и голос Софьи Петровны в записи сороковых годов запел «Растет страна» Сергея Прокофьева:

«Друзья мои, друзья мои,
Друзья мои, товарищи,
Еще мы будем молоды...»



Сверкающий лимузин торжественно въехал на центральную аллею. В нем было битком пионеров из лопахинского хора и среди них величественно восседал Иван Семенович Козловский. Двое пионеров вынесли из машины огромный торт в коробке, украшенной лентами и бантиками, остальные, предводительствуемые великим артистом и улыбающимся аккомпаниатором, несли в руках красивые коробки конфет и корзины с цветами. Приблизившись к Софье Петровне, пионеры по взмаху Козловского подхватили «Друзья мои...» и хором допели:

«Друзья мои, друзья мои,
Еще мы будем счастливы,
Хоть и висок седой».

Расцеловав ребятишек, Софья Петровна обняла Ивана Семеновича и аккомпаниатора, и на глазах у нее искрились слезы радости.

— Софья Петровна, как ты могла скрыться?! Зачем ты пропала?

— В нашем возрасте, друг мой, поминки более частый повод для встреч, чем дни рождения. Решила не давать тебе такого повода.

— Неужели тебе лучше здесь, Соня? — воскликнул аккомпаниатор.

Софья Петровна обняла Варвару Дмитриевну и Федота Федотовича и воскликнула:

— Если бы ты знал, Костя, как я люблю наш дом! Я не знаю, что такое божеский рай, но здешний рай меня вполне устраивает.

Фотограф из газеты не преминул зафиксировать эти объятия, блеснув вспышкой.

— А для вас у нас с Иван Семеновичем тоже сувенир, — обратился аккомпаниатор к главврачу. — Вы ведь Варвара Дмитриевна, если не ошибаюсь? — Он подозывал одного из пионеров и, взяв сумку из его рук, торжественно вручил ее главврачу. — Лекарство для вашего больного.

— Такого нигде не сыщете, — подтвердил Козловский.

Когда Варвара Дмитриевна достала из сумки «лекарство», мы ахнули. В руках у нее была маленькая Шельма, точь-в-точь такая же, какою мне когда-то представил ее Чистов.

Зал сверкал орденами и медалями. Когда Федот Федотович, возглавлявший президиум, попросил из-за кулис Софью Петровну, все встали и долго аплодировали. Фотограф, поблескивая блицем, фиксировал каждый миг праздника: как заведующий зачитывал статью в газете, посвященную юбилею, как старцы вручали Софье Петровне адреса с подарками, как аккомпаниатор демонстрировал портрет кисти Сарыяна, делясь своими воспоминаниями, как Анисимов при помощи пенсионеров развернул свое огромное живописное полотно, на котором были изображены все обитатели



дома. После того как хор спел здравницу в честь Софьи Петровны, все поднялись на сцену для общей фотографии с Иваном Семеновичем, держа над головой лозунг: «Старость — не конец, а венец жизни!» Сколько было аплодисментов старцев, ребячества пионерии, радости в глазах Варвары Дмитриевны!

Потом в каминной, где все расселись за накрытыми столами, где стоял открытый рояль, горел камин и на отдельном столе помещался огромный торт со свечами, Иван Семенович произнес тост в честь Сонечки:

— Она выходила на сцену красивая, спокойная, расцветшая весна, уже даже почти лето, как какое-то прекрасное виденье, чудо. Изумительная, предельная грация. И это еще одно поразительное свойство ее дарования — принадлежность души этой прекрасной певицы своему народу. Независимо от репертуара, будь это Чайковский, Шуман, Прокофьев или пьесы Фейнберга. Ведь что удивительно? В своем исполнении она могла быть девочкой, чистым существом, полным счастливых детских, девичьих грез; могла быть женщиной, готовой любить в открытую, сердце на отдачу; могла быть философом, поднимаясь над миром хрупким, светлым существом, увядшим цветком, сострадающим отсутствию человеческой гармонии, нежно любя добро, удивительно скромно, скромно, лаконично отвергая зло. Я слышал и видел это чудо на сцене, и, значит, я вознагражден жизнью! За вас, дорогая Софья Петровна! Будьте здоровы и счастливы!

Я был растроган до слез от того, как верно все было сказано. Потом Иван Семенович спел с пионерами «Тихую мелодию» Рахманинова. Соня была счастлива этим подарком и, пригласив его на танец, открыла бал. Я танцевал с Варварой Дмитриевной.

Голос Крупенина. Невозможно описать те чувства, которые я испытывал в этот незабываемый вечер. Это было настоящее семейное торжество, где каждый хорошо знал другого, держал себя с достоинством и, радуясь причине праздника, окружал Сонечку всяческим вниманием, как дитя, которое в семье любимо больше других.

Я подождал момента, когда аккомпаниатор оставит Соню, и пригласил ее на танец.

— Что у вас было с этим аккомпаниатором?

— Не ревнуйте, не ревнуйте, Павел Андреевич. Вам это так не к лицу. — Она коснулась рукой моей щеки и, глядя мне в глаза, сказала: — Голубчик мой, вы все время в тени, но я-то знаю, кому я всем обязана.

Я указал на Варвару Дмитриевну, которая танцевала с Федотом Федотовичем, и сказал:

— Соня, обещай мне, что ты не будешь меня обманывать. Я случайно назвал ее по имени, и она охотно приняла это.



— Мы сейчас обязательно выпьем на «ты». Я, признаюсь, давно уже про себя зову вас Павлушей.

Федот Федотович довольно легко управлял своей партнершей в танце.

— Я корковое существо, Варвара Дмитриевна, а вы подкорковое. Мне, прежде чем решиться на что-то, нужно взвесить все «за» и «против». А вас захлестывают эмоции.

— Это хорошо или плохо?

— Судя по сегодняшнему празднику, мы хорошо дополняем друг друга.

Софья Петровна устала, и мы присели рядом с Козловским.

— О чём вы думаете, Иван Семенович?

— Потянуть бы мне еще годиков этак... Может, еще кое-что успеется.

— Хорошо бы, — грустно сказала Софья Петровна. — Хотя, конечно, занавес уже медленно опускается.

— Да бог с вами, Софья Петровна.

— Иван Семенович старше нас, и то как огурчик, — сказал я.

Иван Семенович постучал по дереву. В подтверждение моих слов его пригласила на танец Нина Матвеевна, и он охотно согласился.

— Хотите, я вас рассмешу? — спросил я Софью Петровну.

— Валяйте.



— Я сочинил себе надгробную эпитафию.
— Что же тут смешного, дружочек?
— А вот послушайте. — Я наклонился к ее уху и прошептал: — Паша пожил, не тужил, Паша Родине служил, Паша Дашеньку любил, Паша с Сонечкой дружил.

Софьюшка рассмеялась.

Голос Крупенина. К полуночи в каминной оставалось человек десять самых стойких бойцов. Уже переговорили о лечении, о своей будущности, о юбилее самого Ивана Семеновича, который транслировался на всю страну, о нынешнем урожае, об американцах, о погоде, о летающих тарелках, а все еще не хотелось расходиться.

— Софья Петровна, я вас умоляю, для нас с Варварой Дмитриевной. — Я стал упрашивать Соню спеть. — Под сурдиночку, как сможется.

— Павел Андреич, не смейтесь, — кокетливо помахала она пальцем. — С этим не шутят. Это под силу одному Ивану Семенычу. Он у нас последний из могикан.

Аккомпаниатор сыграл вступление на рояле, и великий артист, прикрыв глаза, тихо запел: «Я помню чудное мгновенье...»

И мне запомнилось это мгновенье. Как догорал камин, как были открыты настежь окна, как не вовремя забили напольные часы, как напротив меня сидела счастливая Софья Петровна и, прикрыв глаза, слушала голос товарища:

«И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь».

СУРОВЫЕ БУДНИ

Кончились праздники, наступили суровые будни. В ответ на письмо Федота Федотовича в дом прибыла комиссия. Комиссия тщательно разобралась в фактах, неоднократно беседуя с заведующим, главврачом, сестрами, работниками пищеблока. Не обошлось и без показаний контингента, среди которых были мои, Чистова, Бердяева, Нины Матвеевны и Софии Петровны.

— Дорогие мои, это несерьезно, — сказала она. — Кто же поверит, что Федот Федотович и Варюша живут, как вы говорите, как «кошка с собакой». В конце концов и ссоры не так страшны. Лишь бы дело двигалось.

Голос Крупенина. Федот Федотович все это время был подтянут, бодр, казался инициативным, заботливым руководителем. А Варвара Дмитриевна как-то сникла, умолкла, теперь ее

можно было видеть только в рабочее время, да и то большей частью в кабинете, откуда она редко выходила. Комиссия не сочла необходимым увольнять главврача, но с учетом частично подтвердившихся фактов рекомендовала наложить на нее партвызсканье. Партбюро, секретарем которого была Полина Ивановна, вынесло вопрос на закрытое партийное собрание, большинством голосов рекомендация комиссии была отклонена. А еще через некоторое время мы узнали, что Варвара Дмитриевна уходит от нас по собственному желанию.

ОБИДА

Я навестил ее в тот же день. Когда я вошел, послышалось, как где-то хлопнула форточка, гульнул ветер, и сквозняк принес в прихожую разлетевшиеся бумаги. Увидев меня, она сконфузилась.

— Я в таком виде. — Она сняла чемодан со шкафа и, смахнув прядь со лба, подала мне руку.

Ее было не узнать.

— Я к вам чай пить с тортом. — Представляю мой дурацкий вид при сказанном.

— Я вас сама угощу как следует.

На всем жилище Варвары Дмитриевны лежал отпечаток отъезда. Куда девался прежний уют. На полу, у двери, ведущей на террасу, рядом с чемоданами лежали увязанные стопки книг, аквариум, завернутый в одеяло телевизор, горшки с цветами, лампа, клетка с Сенекой. Единственное, что напоминало о прежней жизни, — это десятки листков с пометками «что сделать», прикрепленных к пустым стеллажам, и дружеский шарж Анисимова. Шарж изображал Варвару Дмитриевну с глазами, излучавшими свет, и со множеством рук и ног, как у индийских богов. В каждой ладони помещался то Чистов, то попугай, то Федот Федотович, то Шельма, то сам Анисимов, то засохшая липа, то целая группа обитателей, то рюмка со спиртом. Одним словом, приглядевшись, можно было увидеть на шарже много знакомого. Над мальчишеской шевелюрой Варвары Дмитриевны, как нимб, парила надпись: «Работать не покладая рук — самое важное!»

Она принялась собирать разлетевшиеся бумаги.

— На улице хоть и мокрый снежок, а все равно хорошо. — Боясь взглянуть ей в глаза, я тоже стал помогать ей.

Вошел Алеша, непривычно серьезный.

— Поставь чай, Алеша.

Мне показалось, что ее голос дрогнул.

Когда Алеша вышел с тортом, я глянул на нее. Она стояла у окошка, кутаясь в платок, и мне было легче говорить с ней, не видя ее лица.



— Мы этого так не оставим. — Я хотел было подойти, тронуть ее за плечи, но не рискнул. Чем я мог ее утешить? — Не уходите, Варвара Дмитриевна. Без подлецов жизнь, как зима без снега.

Значит, в Африке их нет? — Она обернулась ко мне. — Павел Андреич, я отношусь уважительно к двум вещам: к работе и к собственному достоинству. Работа у меня будет... А достоинства я не хочу терять. — Печальная улыбка погасла в провалах глаз. — Вот сижу у окошка и все думаю, думаю одно и то же: за что?

Она снова отвернулась, чтобы я не видел ее лица. За окном капало. Снег еще не везде стаял и белел простынями в молодом саду с заботливо укутанными на зиму яблонями. Неожиданно в окошке возникло лицо Чистова. Он подмигнул Варваре Дмитриевне и, как ребенок, приплюснул нос к окошку, при этом очень смешно скосив глаза. Промокший, он вошел, как всегда, в сопровождении Анны Трофимовны и с Шельмой на поводке. Опять хлопнула форточка, опять разлетелись бумаги, и Чистов с Анной Трофимовной застыли на пороге от неожиданности.

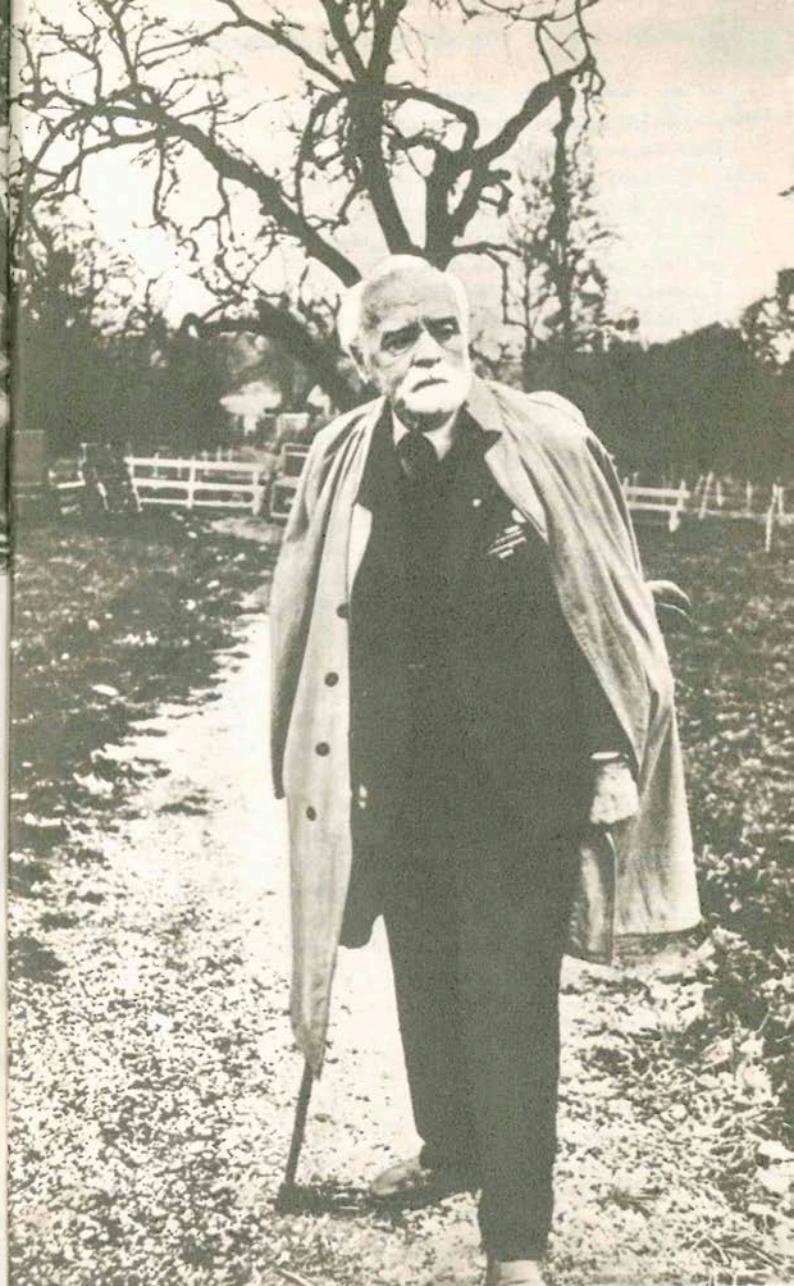
— Покидаете нас? — Старушка заморгала глазами.

Чистов не верил своим глазам.

— Ах ты, мать твою в жилу. — Он достал из кармана бутылку вермута и листок исписанной бумаги. — А мы тут с Андрюшей письмо накатали в инстанцию. Думал, за рюмочкой помудруем.

— Спасибо. Раздевайтесь. Сейчас чай будет.

Анне Трофимовне было невдомек, как поступать дальше, оттого что ее друг оставался стоять, вперившись взглядом в затылок



Варвары Дмитриевны. Она взяла из его рук бутылку и поставила на стол.

— Ну... тогда... для сугрева в дорожку, — сказала она, растерянно глянув на окаменевшего друга.

Шельма, почувствовав, что о ней забыли, залаяла с подыванием. Варвара Дмитриевна оглядела нас и сказала:

— Это вопрос для меня решенный, друзья.

Чистов молчал, но, судя по виду, ему это нелегко давалось.

— Липа зазеленела, — тихо проронил Чистов.

Я глянул в окошко. Посреди зимнего двора причудливо зеленела клейкими листочками та самая высохшая и никому не нужная старая липа, которую заведующий давно собирался срубить.

Варвара Дмитриевна уезжала следующим утром, когда в доме, казалось, все спало. Было скользко и солнечно. Провожали ее Полина Ивановна, несколько сестер, санитаров и, конечно, Степан Степанович. Таксист подогнал машину к самому крыльцу, и Степан Степанович помог погрузить вещи. Алеша с аквариумом осторожно уселся сзади. Варвара Дмитриевна направилась к машине и, прежде чем сесть в нее, оглянулась, бросив прощальный взгляд на дом, ее же стараниями ставший для нас родным очагом. Глянула и опешила, приросла на месте. Все окна дома были распахнуты настежь. В них стояли, кутаясь в одежды и глядя на свою «святошту», старцы.

Голос Крупенина. С тех пор прошло время. Федот Федотович заведует где-то автоколонной, и о нем не слышно. Сестра Маша устроилась в ветеринарную лечебницу. Варвара Дмитриевна не покинула нас, оставаясь с Полиной Ивановной, Степаном Степановичем и другими в доме, где есть боль, которую они помогают утешить, слабость, которой их участие придает силы, капризы, которые они терпеливо переносят от нас. И, конечно, есть радость. Милосердие этих людей по-прежнему искренно и естественно, будто они не предполагают иных отношений между людьми. Между тем у каждого из них есть свои семьи, дела, заботы, у каждого есть другая, неизвестная мне жизнь. Спасибо же вам, мои драгоценные друзья, за ваше сердце, которым вы одарили меня в конце жизни.

ФИЛЬМОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

«И жизнь, и слезы, и любовь» — цветной художественный фильм. Производство киностудии «Мосфильм», 1984.

Автор сценария и режиссер Н. Губенко. Главный оператор Л. Каляшников. Художник-постановщик Ю. Кладиенко. Стихи Г. Шпаликова. Живопись и рисунки А. Адабашьяна, П. Пророкова, Ю. Родина. Звукооператор Ю. Михайлов.

Роли исполняют: Ж. Болотова — Волошина, Е. Фадеева — Сербина, Ф. Никитин — Крупенин, П. Щербаков — Федот Федотович, С. Мартинсон — Егошкин, Е. Евстигнеев — Степан Степанович, М. Брылкин — Чистов, К. Ильенко — Птицына, А. Дроздов — Бердяев, Л. Соколова — Полина, Т. Хлыстов — Анисимов, Н. Гундарева — Антонина, М. Скворцова — Анна, И. Казьмин — Дьяконов, Н. Крачковская — Маша, С. Рубанович — Липчук, Б. Гольденберг — Рыбалко, Сережа Озеров — Алеша, Вера Гладких — Вера. В фильме принимает участие И. С. Козловский.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Герасимов. По законам жизни	5
Н. Губенко. «И жизнь, и слезы, и любовь» . . .	8
Фильмографическая справка	79

Николай Николаевич Губенко

«И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ»

Киносценарий

Редактор Л. А. Ильина. Художник Г. К. Александров. Художественный редактор И. С. Жихарев. Технический редактор Г. П. Давидок. Корректор О. Г. Завьялова

И.Б. № 2519

Сдано в набор 18.03.85. Подписано к печати 19.07.85. А12064.
Формат издания 84×100/32. Бумага тифдрученая. Гарнитура
журнально-рубленая. Глубокая печать. Усл. п. л. 3,9. Усл. кр.-
отт. 8,3. Уч.-изд. л. 5,249. Изд. № 15585. Тираж 30 000. Заказ
1698. Цена 40· коп. Издательство «Искусство», 103009 Москва,
Собиновский пер., 3. Ордена Трудового Красного Знамени Ка-
лининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.